«Душа моя спокойна...»

Георг Васильевич Мясников

SHOUT
SHARE
IT

- Георг Мясников
  -
  - «Все, что делал в Пензе, делал во славу России…»
    - 1966
    - 1969
    - 1971
    - 1972
    - 1973
    - 1974
    - 1976
    - 1978
    - 1979
    - 1980
    - 1981
    - 1982
    - 1983
    - 1984
    - 1985
    - 1986
  - «Тянется народ в Фонд культуры. Последняя надежда…»
    - 1987
    - 1988
    - 1992
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106

- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119

Георг Мясников
«ДУША МОЯ СПОКОЙНА…»
Из дневников разных лет

Публикация и комментарии М.Г.Мясникова

Публикуя дневники Г.В.Мясникова, бывшего одним из создателей и первых руководителей Советского фонда культуры, мы не только отдаем дань памяти человеку, сделавшему по-настоящему много для отечественной культуры, члену редакционной коллегии журнала со дня его основания, чему он немало способствовал, но и открываем читателю неповторимый документ эпохи. Дневники Г.В.Мясникова, которые он вел десятки лет, не просто раскрывают эту замечательную личность, но и являются неожиданно самобытным свидетельством жизни нашей страны во второй половине XX века. Эти тысячи страниц (из которых мы вынужденно публикуем лишь малую часть) написаны человеком глубоким и наблюдательным, человеком подлинного дела, оставившим по себе добрую память не только как о талантливом администраторе, но и как о культурном организаторе — созданными музеями, отреставрированными зданиями, возведенными памятниками, открытыми библиотеками, возвращенными в Россию культурными ценностями.

* * *

Держу в руках дневники моего отца. Регулярные записи велись с 1964 года. За десятилетия через них прошла внутренняя и душевная жизнь, полная любви к семье, людям, Родине.

Георг (Георгий) Васильевич Мясников родился 20 марта 1926 года в селе Коповка Вадинского района Пензенской области. Работая над книгой «Город-крепость Пенза», он разобрался в своей родословной. В нем было, как он сам говорил, соединение трудового и духовного начал. Предки по линии его отца — служилые солдаты, появились на Засечной черте в 1646 году. В Строельной книге Пензы есть Мясников — один из основателей Пензы. Что касается матери, то в ее роду были священники. Мой дед умер в 29 лет, когда отцу было полтора года.

В страшный голод 1933 года в Коповке, тогда большом селе в почти тысячу дворов, мимо дома на кладбище ежедневно проносили до 20 гробов. Спасаясь от голода, мать уехала с Георгом в Орехово-Зуево на торфоразработки. Там с 14-ти лет началась трудовая жизнь. В первые месяцы Великой Отечественной войны рыл окопы на трудфронте, учился, с 1944 года на комсомольской и партийной работе.

В 1961 году Г.В.Мясников был направлен вторым секретарем в Пензенский обком КПСС. Назначение в Пензу воспринял с огромным удовольствием как возвращение к родным корням. Первое, что сделал — нашел могилу отца.

В полном тексте дневников жизнь, проблемы, события и спектр дел секретаря обкома представлены куда более объемно. В публикуемых записях отражена лишь малая толика широкого поля деятельности партийного работника и в основном отобрано то, что касается «культурного строительства». А приходилось решать массу конкретных вопросов, работая с людьми, и это было главным. Отец считался всегда очень жестким администратором, но внимательным и отзывчивым человеком, за что всегда пользовался искренним уважением и любовью большинства сельских и городских жителей. Совершенно не переносил халтуры, необязательности. В дневниках, наедине с собой, он выглядит куда более мягким и предстает скорее как критик коммунистической системы, чем ее апологет. Но он всей душою служил этой идеологии, прошел через веру, сомнения и даже разочарования, но остался предан ей и старался извлечь из нее все лучшее, человечное, чтобы людям стало теплее и надежнее на земле. Не любил мещан и считал, что критика без реальных, конкретных предложений — обычный обывательский разговор. Кстати, об этом еще А.Блок хорошо написал в 1921 году в своем дневнике: «Для того, чтобы уничтожить что-нибудь на том месте, которое должно быть заполненным, следует иметь наготове то, чем заполнить…»

С коллективом единомышленников в партийных, советских органах было сделано в области много. Я не называю этих людей, но их имена и добрые слова о них на страницах отцовских ежедневников: талантливый руководитель колхоза или грамотный секретарь райкома, порядочный и преданный делу директор завода, мудрый рабочий, умная доярка, думающий учитель, художник. Вместе с ними построены больницы, заводы, институты, музеи. Сейчас трудно представить, но в Пензенской области стояли в полях и на животноводческих фермах уютные «красные уголки» в комплексе со столовыми. И никто не бил стекла, не поджигал, не плевал на пол. Делали «уголки» для

«повышения идеологической работы», а получалась забота о тружениках. Много отец сделал и для того, чтобы зримо воплотить благодарность пензякам, отдавшим свою жизнь за родину. Выразительные мемориалы в честь воинов-односельчан, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, были открыты не только в Пензе, Кузнецке, отдельных центрах, но и в отдаленных селах.

Был у него один принцип в жизни. Он не служил лозунгам. Считал, главное — создать в жизни людей материальную основу того, что ты провозглашаешь. В так называемые застойные годы область жила чуть лучше, чем соседние, потому что в ней много работали, в том числе и над воспитанием чувства достоинства, гражданского патриотизма. Все это нешаблонно, базируясь на прошлом и настоящем области. (И меня поражает, что в областных краеведческих музеях многие годы «на реконструкции» находятся залы, посвященные советскому периоду.)

Подходило 200-летие Д.Давыдова. В стране это событие прошло почти незамеченным, в Пензе открыли памятник поэту. Долго искали образ, и предстал не генерал, а поэт, который писал: «Пенза — моя вдохновительница».

В 1980-м торжественные заседания проходили в связи со 100-летием со дня рождения А.Блока, — а в Пензе взяли и поставили ему памятник, да еще увековечили его деда и брата деда — Бекетовых.

Но и здесь не все шло гладко и легко, без проблем. Если кто-то считает, что, имея власть, легко можно было решать вопросы, — глубоко ошибается. В качестве примера: 1980 год был годом празднования 600-летия Куликовской битвы. В это время вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, запрещающее в связи с подготовкой Олимпийских игр всякое строительство памятников, дворцов культуры и спортивных залов. Но в Пензе решили поставить памятник. Это был памятник Первопоселенцу — человеку с копьем, пришедшему защищать эту землю, и с плугом, чтобы осваивать ее. Но нужно было найти деньги за работу, 15 тонн бронзы, завод, который возьмется отлить эту скульптуру. Деньги нашли, памятник отлили, и 8 сентября 1980 года в 11 утра, в час начала Куликовской битвы памятник был открыт. Все обошлось, но, в принципе, можно было положить партбилет за нарушение решения ЦК и Совмина. А приходилось рисковать.

Писатель В.Распутин в 1988 году в журнале «Наш современник» писал: «Таких руководителей, как бывший секретарь обкома в Пензе, Георг Васильевич Мясников, раз, два и обчелся!»

Двадцать пять лет на одном месте. Почему так долго? После недобровольного ухода на пенсию Хрущева в верхушке партии возникла «теория» опасности комсомольской оппозиции. Представителем этой «обоймы» как воспитанник московского комсомола считался отец. Однако эта своеобразная ссылка в Пензе много дала ему в жизни, как он писал в дневниках. И прежде всего, знание России, ее народа, научила по-настоящему любить, понимать людей.

В 1986 году отцу исполнилось 60 лет, и он вернулся в Москву, стал одним из основателей Советского фонда культуры. Фонд культуры был первым, сейчас фондов тысячи. Во главе Фонда культуры стояли такие разные и, каждый по-своему, значительные личности, как Д.С.Лихачев и Р.М.Горбачева, а отец стал его фактическим, повседневным руководителем. Конечно, работа с такими разными, непростыми людьми, как Раиса Максимовна и Дмитрий Сергеевич, была сложной, отнимала огромное количество нервной энергии и сил, но дело Фонда культуры, выраженное его девизом «сохранять, осваивать, преумножать», стоило затраченных усилий. Было интересно начинать работу Фонда с нуля, и его коллективом, по словам отца, было сделано много. Создан журнал «Наше наследие», программа поддержки молодых талантов «Новые имена», активно развивались международные связи, выражавшиеся не в показушных концертах и представительских поездках, а в конкретных делах — именно при отце была создана и достигла пика программа «Возвращение», в рамках которой из-за рубежа в Россию вернулись (с помощью спонсоров, дарителей, а иногда и государства) десятки тысяч архивных документов, картин, рисунков и т. д. Д.С.Лихачев, Р.М.Горбачева и Г.В.Мясников стояли у истоков этих дел. Сейчас многие центральные и периферийные музеи могут продемонстрировать раритеты, переданные им Советским фондом культуры.

Отец был сторонником того, чтобы Фонд культуры был ближе к народу и поддерживал местные инициативы. Например, задумала область создать музей Лемешева, надо дать деньги — пусть такой музей будет, поддержали реконструкцию музея Чайковского в Алапаевске и т. д., и т. д.

Всегда восхищали его искренняя любовь и уважение к простым людям труда. Человек огромной доброты и порядочности, он постоянно подчеркивал, что существует для них, а не они для него.

Отец очень скептически относился к окружающей партийно-чиновничьей среде. На протяжении всех лет его мучило сожаление, что не посвятил себя любимой науке, истории. Этим

объясняется его интерес к культуре, искусству, краеведению. Жизненные и профессиональные проблемы, сложности преодолевались путем компромисса, часто за счет больших нервных и психологических затрат. Всегда он хотел перемен в жизни страны, людей и понимал, что они наступят нескоро. Когда же они наступили, то результат их, новые взаимоотношения людей в экономике, культуре просто укоротили дни его жизни (отца не стало в 1996 году).

Дневники были формой диалога его с самим собой. Он никогда не хотел их издавать, не переписывал, не корректировал. Впервые кроме моей матери, меня и моего сына что-то из них прочтут другие люди. Делаю это потому, что перед кончиной отец сказал, чтобы я передал их в Пензенский архив. Не может вызывать сомнения, что они будут представлять ценный исторический источник. Он писал, что у нас есть только история культуры, а политической истории страны нет. Она постоянно переписывалась под вновь приходящих политических лидеров.

Общаясь со многими выдающимися личностями своего времени, находясь в гуще народной, отец сообщает много интересных фактов, наблюдений, характеризуя политику внешнюю и внутреннюю. Особенно интересен дневник периода пребывания отца в Пензе. Можно смело сказать, что записи помогут объективно увидеть труд и жизнь целого поколения.

В одной из своих книг он написал: «Родина… Какое внешне простое и привычное слово. Но ставишь себе цель объяснить значение и сокровенный смысл этого понятия, имеющего свое измерение во времени, пространстве и развитии, играющего огромную роль в формировании духовного мира человека, его жизненной позиции, и невольно замедляется бег мыслей. Надо остановиться и задуматься, чтобы представить то колоссальное содержание, которое заключено в этом слове. Ведь Родина — это прошлое, настоящее и будущее народа, источник приложения его сил, энергии и таланта, основа, устремление к великой цели, идеи, зовущие к преобразованию общества на началах равенства и справедливости».

М.Г.Мясников

«Все, что делал в Пензе, делал во славу России…»

1966

8 февраля. Опять мысли о художниках: трагедия состоит в страшном разрыве между мастерством и идейностью. Нет идей. Бросаются в две крайности: 1) в пейзаж; 2) в мазню и трюкачество, пытаясь за уродливостью формы скрыть отсутствие содержания.

27 апреля. Уезжаю в Нижний Ломов[1]. В голову всякие мысли. Вообще дорога всегда навевает мысли, дает образы, создает какое-то поэтическое настроение. Дорога — мать поэзии, яркого восприятия мира. Не было бы движения — не было тысячи, сотни тысяч стихов, поэм, рассказов…

Раздумья о пройденном пути. Он, конечно, дал много, но мучает одна ошибка (я не стесняюсь признаться в этом) — надо было идти в науку. Там, мне думается, я дал бы больше пользы, чем в суетном мире администраторства. А из наук моя самая любимая — история. Но теперь — поздно! Второй жизни не надо, а первую — переделывать сложно…

Очень поздно я пришел к выводу, который лезет в голову: «Слава — временна, расточительна, а добро — постоянно».

20 июня. Небо хмурится. Механизаторы возвращаются с обзора. Мы тем временем осмотрели строительство клуба из бывшей церкви. На фоне прекрасной кирпичной кладки прошлого века страшная похабная кладка наших дней. Что случилось с каменщиками?

16 августа. Сессия Верховного Совета РСФСР[2].

Вопрос о сельском строительстве. Постановка типично декларационная. Все разделилось: Пленум — решают; сессии — произносят декларации, агитируют.

В обед — за одним столом с Г.К. Жуковым[3].

Маршальский мундир, четыре звезды, розовые щеки, выглядит довольно бодро.

Разговор о сельском хозяйстве, нуждах крестьян. Он, судя по всему, далек от этого.

— Бывали ли в Пензе?..

— Году в 21-м добивал Антонова под Сердобском[4].

Рассказывает какие-то детали, как его приняли за бандита, но тот был Жуков-Семенов…

Пока разобрались «бойцы самообороны», седла и мешки оказались очищенными.

Командовал кавалерийским отрядом.

Хорошая память у этого «одного из величайших полководцев всех времен и народов», затертого дважды…

5 сентября. Обидно только, что так много дураков партия ставит на посты, которые должны занимать, безусловно, умные люди. Где-то укоренилась ошибка, которую или не хотят, или не могут, или, что страшнее всего, некому исправить.

23 октября. Подъем в 6 утра, хотя день воскресный. Приезжает Лев[5]. На улице легкий морозец.

На перроне нахалка — дежурная с повязкой:

— На какой путь прибывает Ташкентский?

— Тебе что уши заткнуло, когда по радио объявляли?

— Не слышал…

— Значит слушать надоть!

— А что вы так грубо отвечаете?

— Подумаешь… Шляпу одел, и сразу вежливости хотит… Меня двадцать лет пугають. Ничего… Жива!

Сколько затрачено слов и нервов, вместо того чтобы произнести всего-навсего одно слово: «На первый». Странный и порой необъяснимый русский характер.

27 октября. Принесли стихи Евг. Евтушенко. Я считал и считаю, что он наиболее талантливый поэт среди всех современных советских поэтов. Подкупает свое видение мира, попытка по-своему осмыслить явления жизни, утверждение правды, честности, порядочности. Евтушенко — это, если так можно сказать, рассудочный поэт. Он мыслит стихами. Иногда масштабно, иногда мелко, но мыслит! И в этом его существо, его главное достоинство.

21 декабря. Пошел на регистрацию в Кремль[6]. Не утерпел, зашел в Александровский сад, к могиле Неизвестного солдата. Москвичи делают все наспех. Разговоров было много, много фотографий, а в действительности — убого. Чувствуется спешка, непродуманность. Мне претит сама идея «неизвестного солдата». Скопировали на Западе, а зря обезьяним. У социалистического народного государства должны быть свои идеи. История давно дала ответ и на форму наших захоронений — «братская могила»! Они появились на Руси давно, укрепились в годы революции. Почему бы не продолжить эту традицию.

1969

11 марта. Когда ты у власти и сидишь на представительском месте хмельного стола, кажется, что друзей у тебя невиданная и несчитанная армия. Трудно в окружающей толпе отличить мнимых друзей от истинных. Да и ты, считая всех друзьями, отдаешь почти каждому частичку своей души, своего сердца.

Но, к сожалению, это, оказывается на практике, глупейшая ошибка. Абсолютное большинство из тех, кто роится вокруг тебя, не твои друзья, а друзья твоего положения, — изменится оно, уйдут немедленно и они. Правильно говорят, что настоящие друзья познаются в беде и бедности. А сейчас — не обольщайся!

25 апреля. Утром поехал по городу. Медленно раскачиваются пензяки, нехотя перекапывают газоны, убирают сухие листья и пропавшую траву. Народу мало на благоустройстве… Сколько надо еще лет, чтобы приучить без понукания делать простые вещи по уборке города? А все это оттого, что есть своеобразие историческое в формировании населения города. До революции Пенза — небольшой, хотя и губернский город, заполненный в основном осколками дворян, мещанами, кустарями. Пролетариата в истинном смысле этого слова нет.

Идеал мещанина — уют своего семейного гнезда, до остального ему дела нет. Страсти, волнения — не его удел.

После революции, особенно в годы Великой Отечественной войны, за счет эвакуации начинается бурный рост промышленности. Готовых кадров рабочих нет. Их завозят из сел области. Вместе с желанием работать в промышленности они провозят и свои деревенские привычки: равнодушие к грязи на улице, во дворе, в избе. Все это переплетается и дает сейчас мучительные отрыжки равнодушия к внешнему облику города, его благоустройству.

23 мая. Уехал в г. Кузнецк[7]. Сегодня здесь встреча с механизаторами, которые по нашим путевкам работали в колхозах и совхозах на весеннем севе, помогали крестьянам заложить урожай.

Собрали в клубе обувной фабрики. Выступали все, кто желал. Я их от имени обкома КПСС поблагодарил за хорошую работу, вспомнил русскую пословицу: «Что посеешь, то и пожнешь». Они с восторгом встретили это предложение, выражая готовность осенью поработать на уборке урожая. Некоторые выступления просто самобытны и интересны своей народной

непосредственностью. Один из рабочих выступает перед аудиторией и во весь слух рассказывает о «действенности соревнования». Работали мы в колхозе им. Орджоникидзе Лунинского района. Вроде, время сева не подошло… Сидим в полевой бригаде, обедаем. Смотрим: что такое? Из соседней бригады едут с красным флагом. Уже сев окончили. Эх, — думаю, — едрит твою мать… Заело… Сел на сеялку, поехал сеять!» (Смех в зале. Аплодисменты!)

Вручили всем благодарственные грамоты. Одному — нет. Говорят, пришел пьяный. Выбежал от злости…

31 мая. День солнечный. Поднялся около 7-ми утра. Завтрак с Щербаковым[8]. Потом поехали в сторону Рахмановки[9]. Щербаков хочет показать поля в лучшем виде. А район Рахмановки — это Вадинская Кубань. Всходы действительно хорошие, да и культура полей стала приличной…

Остановились на горе. Внизу привольно раскинулась Коповка[10], а ее центр — церковь — величественно стягивает эту панораму. Сразу на могилу отца[11]. Сегодня (по старому обычаю) — родительская суббота — дети должны приходить на могилы родителей. Не загадывал заранее, но приехал как раз. Кругом цветут яблони, низко наклонив свои старые отяжелевшие ветви. Буйно цветет сирень, луговина полна ярких красок. Долго стоял я у этой дорогой мне могилы — маленького клочка земли, на котором ушла в вечность, в тлен и прах частица того, что создало меня. Где-то рядом в заросших кустах вишни, могила прадеда — А.Н.Владыкина. 61 год и отсутствие заботы все давно сровняли, следы могилы выдает лишь цветущая вишня. А рядом сосна. Около нее, как мне говорили, могила отца моей прабабки — Григория Прозорова. Почти сто лет, а может чуть и больше, с этим селом, даже с этим местом связана ниточкой прошлого моя жизнь. В старой деревянной церкви, от которой теперь в саду остались лишь два-три фундаментных камня, служил Прозоров, в ней же начал службу Владыкин. На глазах прадедов и бабок с прабабками вырос новый величественный храм. Прадед успел и в нем служить четыре года, а после его смерти — прабабка была «просфорной» (просвирней). Здесь все они нашли и свой покой. Последняя могила — это могила отца…

Потому так долго стоял у могилы, бродил по саду, фотографировал…

Моя Родина начинается здесь. Здесь мое прошлое, а без него не могло быть будущего! В этом весь вопрос.

Я копаюсь в прошлом предков не потому, что просто хочется из любопытства узнать, а кто они. Нет! Это особая форма

благодарности всем им за то, что они дали мне силы… Не понимаю людей, которые небрежны к своему прошлому. Это неблагодарные хамы, равнодушные эгоисты, которые, пожирая труды своих предшественников, не умеют сказать хотя бы мысленно им «спасибо!»

22 июля. Все больше и больше завязывается узлов. Было плохо с мясом, стало плохо с рыбой, теперь назревают обострения по белому хлебу. Не хватает сыра. Узел на узел. И, самое странное, никого это серьезно не беспокоит. Из Москвы идут телеграммы с красной полосой, требующие выполнения плана товарооборота и мобилизации «внутренних ресурсов». У них, конечно, положение тоже безвыходное, но зачем создавать его неразумными мерами? Вот в чем вопрос.

Мы еще каким-то чудом держимся, но, думаю, что и нашей выдержке придет конец. Так долго продолжаться не может. А от мысли такой становится противно на душе. Временами приходит плохое настроение: плюнуть на все и уйти!

18 ноября. Сижу и жду ответа на шифровку. Только пообедал, иду в кабинет, трубка «ВЧ» лежит на столе.

— С вами будет говорить Леонид Ильич Брежнев.

— Слушаю…

— Здравствуйте, Георг Васильевич. Два дня был за городом, готовился к съезду. Сколько у вас воинских машин?

— Числится 3 с половиной тысячи, работает около двух.

— А как дороги?

— Самое обидное, что только что установились дороги, машины пошли, а их приходится отправлять. На полях много свеклы, подсолнечника. Народ нас не поймет.

— Хорошо. Я дам приказание оставить машины. Но надо, чтобы их хорошо использовали. А то сидим в кабинетах, а шоферы пьянствуют и не работают. Я это помню по Молдавии и Казахстану. Надо на каждую машину посадить контролера.

— Если будут машины, контролеров посадим!

— Желаю успехов. До свидания.

— Спасибо. До свидания.

19 ноября. Тут же позвонил маршалу М.В.Захарову[12].

— Как дела, Матвей Васильевич?

— А, Георг Васильевич, здравствуй дорогой! Ты о машинах беспокоишься. Мне только что звонил Леонид Ильич. Оставим до 30 ноября, но только чтоб 1-го грузились.

— Спасибо. Все ясно. Когда будет шифровка?

— Сейчас подписываю. Сегодня получите.

1971

11 ноября. Весь день в обкоме КПСС. Из интересного в этот день — беседа с Володей Ивлиевым. Мне Октябрьский райотдел милиции прислал письмо с просьбой помочь отправить в детскую колонию неисправимого 13-летнего преступника. Я усомнился. Попросил Дидеченко показать мне его.

Привезли этого 13-летнего юнца Володю Ивлиева. Вместе с ним директор школы, его родители: отец — рабочий велозавода, мать — парикмахер. Воровать начал еще в детском саду. Спрашиваю: зачем воруешь?

— Вижу лежит плохо, не могу не взять.

Парень очень интересный. Никакого особого с выступающими бровями черепа. Директор школы говорит, что очень способный парнишка. Уроки не готовит, но, даже послушав только, всегда получает хорошие отметки. Честен. Украдет — тут же признается. Не привык врать. Не грубит. А за ним более сорока краж! И ворует не для себя. Добудет деньги, соберет класс, поведет всех в кино, угостит пирожными и сластями…

Вообще, оригинал. Энергия идет не туда. Спрашиваю его:

— Хочешь в тюрьму?

— Не хочу…

— Воровать перестанешь?

— Не буду больше, слово даю.

— Ты понимаешь, где слово даешь?

— Понимаю…

— Чем интересуешься?

— Хочу работать и люблю баскетбол.

— Работать тебе рано. Пойдешь в школу, а учить баскетболу поручим лучшим мастерам. Согласен?

— Согласен…

На том и расстались. Дал слово. Интересно, выдержит ли его? Мы много сажаем подростков, не затратив сил на то, чтобы спасти их. А вдруг спасем? Позвонил Норкину — редактору «Молодого ленинца», чтобы он взял шефство. Обещал. Написал записку по итогам разговора…

1972

2 января. Не выходит ни одного документа, чтобы нас не упоминали как отстающих по молоку. Клюют и по делу, и без дела. Понятно, что народу нужно масло, но как это сделать?

Объективно говоря, главная причина такого положения с молоком в области — это засушливое лето, отсутствие пастбищ и зеленых кормов. Но социализм не настолько наивен, чтобы быть объективным. Объективизм — это мелкобуржуазное течение. Мы же — пролетарии! Н.Ф.Васильев[13] не может приспосабливаться к мелкобуржуазным уклонам, кричит, что все это — результат прямой безответственности на местах, распущенности и т. п. Его идеал — сводки ЦСУ. Хорошо в сводке — хорошо, плохо — безответственность. Иных категорий мы, к сожалению, не знаем.

Давят и давят. Делают это с откровенным злорадством — провалился, ага! Попался. Мы тебе воткнули, ты смотри. Мы выше! Вроде Совмин РСФСР не отвечает за состояние дел, а является «критическим» органом власти.

Если быть откровенным, то напряжение со снабжением маслом — результат прямого просчета Совминов СССР и РСФСР. Три года назад не знали, куда девать масло. Д.С.Полянский[14] шумел: «А кто вам велит перевыполнять планы по молоку, кому это нужно?» Носились с настроениями снижения цен, чтобы увеличить потребление. А теперь масла нет. Кто виноват? Конечно, мы [областное звено].

В 12.00 в обкоме. Годовой план по молоку получился.

9 января. Лет десять назад в старой нашей избе в Коповке я взял иконку, принадлежавшую моей прабабке Ев. Григ. Владыкиной. Из-под фольговой мишуры и бумажных цветков извлек саму иконку, резанную из дерева. На лицевой стороне два святых на фоне колокольни какого-то собора, храма. Надпись: «Пр. Антоніи. Феодосіё». На обратной стороне чернилами написано: «П.Ксении С. Благословені Божіе. Нед. П. Аврамій. 22 ч. Августа 1871 г.»

Открыл «Изборник» — собрание древнерусских произведений. Оказалось, что вторым произведением Древней Руси после «Повести временных лет» является «Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского».

Эти два святых [Антоний и Феодосий] — основатели Киево-Печерской лавры! Значит, икона пришла из Киева.

Что касается оборотной стороны, то понять трудно.

— Ксения С. — могла быть Сперанской из с. Орлёво.

— Аврамий — настоятель Н.Ломовского монастыря[15]?

19 марта.

Естественен вопрос: зачем пишу «Дневник»?

Ответить однозначно трудно. Да, иногда и страх берет, что «уйдешь», а записи останутся. Кому они попадут в руки, как поймут их те, кто станет их обладателем. Тешишь себя мыслью, что едва ли хватит терпения прочитать многое из того серого и скучного, что написано. «Дневник» — это детали моей жизни, какие-то быстро приходящие в голову мысли, наблюдения. Они нужны мне и только мне. А вдруг, доживу до старости, до того пенсионного возраста, когда будет время полистать странички, вспомнить далекое былое. В памяти всего не удержишь, а бумага сохранит…

В «Дневнике» много субъективного. Я никогда не хотел писать то, что очень правильно, но не отвечает моим понятиям, убеждениям.

Мало радостных, восторженных записей. И это не потому, что мало радости. Просто таков склад мысли. (Не характера. По характеру я — оптимист.) Хорошее — оно остается, а вот мысли, если их не поймаешь, быстро улетают. Отсюда — критический подход ко всем и всему. Часто это несправедливо, но это опять-таки только для себя!

10 апреля. Обедал в столовой ЦК. Диву даешься, сколько здесь сытых мужиков, торчащих за большие деньги в аппарате. И все собой довольны, все лакают в три горла, совершенно не задумываясь над тем, чем они, собственно, заслужили…

Сколько нашей Маше надо дергать за сиськи корову по брюхо в грязи, чтобы прокормить эту ораву сытых бездельников? Ужас!

Класс бюрократов, раз возникнув, продолжает, как опухоль, жить своей жизнью, самостоятельной, правда, питаясь соками всего организма…

18 мая. Когда были маленькими, все казалось большим. Теперь, когда стали большими, многое кажется маленьким. И здесь речь не только об окружающих предметах, но и о явлениях, событиях, людях…

26 сентября. В Симбухово остановился у церкви[16]. Начинают красить, но жалуются на отсутствие материалов. Моя привязанность к этой церкви исходит из посылки: долг живущих на земле — украшать землю. Разорять лучше и проще, но народ помнит не развалины… Надо в Пензе определить серию

памятников, которые следует взять под охрану.

1973

12 января. У нас в характере поклонение божеству. Сколько история ни учила, все равно не можем без богов. И странно: желание быть богом понимают люди и [сами] делают бога. Делают, думая о себе и мало задумываясь, к чему это приведет. Последствия могут быть разными. Раздел постов не разделяет власти. Постов может быть много, а власть одна. Бывает сложность: один, властвуя, ограничивается указаниями, другой отвечает за их исполнение, не имея власти.

15 января. Вероятно, давно назрела пора создать серьезную историю русской общественно-политической и философской мысли. И здесь хорошо бы обойтись без многочисленных ссылок и оценок «западных авторитетов». Все рассматривать с позиций того, как шло развитие в самой России, а не как оно должно было идти согласно схеме Маркса и Энгельса. Они плохо знали русскую действительность. У нас целая трагедия с собственной мыслью. Все дерем от кого-нибудь, даже религию взяли у Византии, а идеологию у Германии. Своих же никогда не ценили и толком не понимали.

2 марта. Знакомая доярка с Ивановской фермы Ларина.

— А мы вас ждали…

— Не повезло начальству! (смех)

— Как приятельница?

— У нее язва. Болеет.

Поблагодарила за привет. А дело в том, что у той доярки я получил первый урок общения с людьми села зимой 1961–1962 гг.

— Сколько надоила?

— А ты спросил, с кем я спала? Кто согрел мокрый подол!!!

Хороший урок.

3 апреля. Беседа с корр. газеты «Известия».

Мое устремление:

1) Сделать Пензу интересным городом, пробудить у жителей настоящую любовь к городу, патриотизм… Одними лозунгами сделать это сложно. Нужна материальная основа. Надо иметь, чем гордиться;

2) В ходе революции ни один народ не растерял традиций столько, сколько русский народ. Поэтому основная направленность «интересных» строек — это возрождение русского

духа, национального достоинства русского человека. Отсюда все идет, этим питается.

14 мая. Идеологи, как лягушки, проснулись после 8-ми лет спячки, и квакают на все голоса.

Неверие — страшный бич, опустошающий человека, сковывающий его энергию, инициативу, творческий поиск. Равнодушие чаще всего от неверия.

24 июня. Думал о том, что любой строй приходит и сметает (часто жестоко) предшествующий, укрепляется на его костях. Недавно мне достали фотографию дома купца Ипатьева в Екатеринбурге (Свердловск), в котором в ночь на 17 июля 1918 г. были расстреляны Николай II, Александра Федоровна, цесаревич Алексей, дочери Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и их прислуга.

Царь — понятно, а дети причем? Жестокость, но может она оправдана обстоятельствами времени? О таких вещах легче судить издалека. Помечаю просто для раздумий о смене управлений. Кажется, ни одно не пришло так, чтобы оставить все старое. Приходится отметать…

1 сентября. В райотдел милиции. Хорошо, что заехал. Привели шофера, которого забрали вчера. Вид уже жалкий. Проспался. Оказывается, у него два сына 10 и 11 лет, а жена умерла. Воспитывает с бабкой. С двумя ребятами в жены никто не идет. Милиция уже оформила документы на 3 года тюрьмы. Сказал, чтобы отпустили. Снял четыре беды.

20 ноября. Весь день добивал биографию Симеона Полоцкого[17]. Скучно до того, что скулы сводит. И жизнь его была такой же скучной, педантичной, размеренной. То прислуживал во дворце, то писал «произведения», большинство из которых — сплошная компиляция. Знал латинский язык, переписывал на русский.

Странная судьба у России — страна безусловно богата самобытными талантами, однако часто «плоды просвещения» ей несли люди, пришедшие со стороны. Есть, вероятно, что-то такое в русском характере, что мешает изложить эту самобытность, привести ее в порядок, сформулировать как сумму законов, основоположений. На мой взгляд, — это отсутствие педантизма, скрупулезности, широта натуры, которая все может, но многого просто не делает. Западник мало знает, но и это малое стремится быстро систематизировать, занести на бумагу, показать другим и учить. Нам этого не хватает.

Многое, включая христианство, мы принесли из заморских стран. Правда, радует, что то, что принесли, не воспринимается буквально, переделывается на такой русский лад, что само себя порой не узнает. Русскому мало свойственен фанатизм. Он не в его натуре.

Может показаться, что Аввакум[18] чистой воды фанатик веры. Так пишут исследователи. Мне он таким не представляется. Смелый мужик, имеющий свою точку зрения и отстаивающий ее до смертного конца вопреки житейской логике. Это не от ограниченности ума, которая свойственна фанатику, а скорее от натуры удалой, разухабистой, от великой, непоказной любви к своему русскому народу. Он не фанатик, а патриот. А патриотизму у русского народа можно и должно учиться любому народу мира. В скольких величайших потрясениях истории устоял русский народ. И основа этой стойкости — патриотизм, любовь к родине.

1974

17 апреля. Вечером посмотрел том I «Истории второй мировой войны». Даже беглый осмотр вызывает недоумение и недоверие к составителям, авторам и редакторам.

Сталин упоминается 7 раз. Гитлер — 56.

Его фото в общей группе, Гитлера и Геббельса по 3 портрета.

Ни одной его цитаты, современника[19] 5 цитат.

Есть даже фотография Луначарского.

Есть портрет Геринга.

Уму непостижимо, как изуверски мы относимся к истории, кроя и переделывая ее на свой сомнительный лад.

15 сентября. Прочел сегодня книжку М.В.Алпатова «Древнерусская иконопись», которую привез из Болгарии Миша[20]. Очень философская, насыщенная.

Я с некоторых пор начал интересоваться иконой. И объяснение этому в сочетании ряда обстоятельств:

— Тяготеет прошлое. Предки оставили в крови гены.

— Люблю историю, прошлое своего народа.

— Подтолкнуло знакомство с Ярославлем, Ростовом.

— Книга Солоухина «Черные доски».

Самое большое впечатление от Толгской богоматери (1314 г.) из Ярославля. Когда смотрел в ее глаза, казалось, что в них воплотилась вся скорбь русского народа, попавшего под иго татар. Ни на одной картине не видел таких скорбных глаз.

Во многих святых, если мысленно снять с них одежды церкви, я вижу русских людей тех столетий, когда писались иконы. Это — мои предки!

Без иконы мы станем варварами. После Киевской Руси все творчество народа, его художественный гений воплощены в ликах икон и росписях церквей. Это «русское возрождение». Художники у нас появились поздно, но они были (и талантливые), отдавая свой талант созданию образов в рамках иконописи.

24 сентября. Сразу после совещания — через Засечное, Царевщину на Суворово. Давно думаю о восстановлении памятника[21]. Еще при царе его поставили в с. Маровка, переименованном в Суворово, после революции разрушили, а в 1942 году восстановили в худшем варианте.

У памятника Кузьма Васильевич — ему 65 лет. Сам ломал в 1927 г. Теперь охраняет. Фигура Суворова страшная, обезьянья. Церковь обваливается, трескается и рушится.

А самое страшное — распалось село. Когда-то 700 жителей, теперь 38 домов и 113 человек стариков. В школе 9 ребят. Восстанавливать нельзя. Скоро пустая степь. Люди уходят. За 2–3 года распались Скрябино, Шукша, Надеждино, Лягушовка. Ежегодно уходит 10 % района (!). Трагедия. Шихмаметьево — 13 домов. Был в двух домах. Неважное впечатление. Народ живет плохо. Только наелся, а так грязь, темень, мрак.

8 ноября. Читал «Житие святых». Поражает однообразие схем, которые хранит религия и человек. Если святой, то терпеливый, незлобивый, скромный, общительный и т. п. Есть четкая схема, в которую укладывается облик почти каждого святого. Вероятно, что эта схема — плод мечтаний человека о качествах, которыми должен обладать идеальный человек, его представление о чертах, присущих выдающимся людям. Странно, но это факт, что и в наше социалистическое время биографии многих выдающихся деятелей рабочего класса мы укладываем в схемы, взятые из «Жития святых».

15 ноября. Удалось предварительно решить одну проблему, над которой бьюсь все лето: получено согласие Липецкого облисполкома на перенесение праха Ю.П.Лермонтова из Шипова в Тарханы[22]. Впервые вся семья соберется вместе, хотя бы чисто символически. Сама идея приятна, хотя найдутся такие, что будут возмущаться. Главное — это обогатит Тарханы, даст повод для дополнительных рассказов. Прах Юрия Петровича в Шипово никому не нужен, а здесь — около гениального сына — его истинное место. Поручил археологу Полесских[23] подготовить предложения. Надо быстро ехать, и хотя бы чисто символически перевезти прах в Тарханы, захоронив его недалеко от склепа.

19 ноября. Принял тяжелое, но важное решение: ехать немедленно в Липецкую область и вырвать останки Ю.П. Лермонтова. Археолог Полесских и директор музея Арзамасцев[24] пытались отнести на весну. А я боюсь. Вдруг передумают. Не отдадут. Проиграют Тарханы. А для них — событие историческое. Вся семья собирается вместе впервые. Они и при жизни не встречались толком. Условились о деталях, вплоть до текста мраморной доски и месте захоронения в Тарханах у склепа. В четверг должны тронуться в путь. Буду ждать!

27 ноября. В 14.00 ездил в резной дом на ул. Куйбышева. Музея[25] еще нет. Ругался с профсоюзниками. Тянут кота за

хвост. Поехали в мастерскую у Ланскова[26]. Оборудование изготовляется добротное. Может получиться солидный «Музей народного творчества». Благо общество охраны памятников дало 5-ть [штатных] единичек. Это уже победа!

Вернулся в обком. Наконец, звонок из г. Белинского [бывший Чембар]. Арзамасцев вернулся. Заказал его. Детали:

— возникли вопросы. Пришлось звонить в Липецкий обком;

— после переговоров разрешили. Местные приняли участие;

— крестьян подпоили. Все рады;

— место указали точно. Копали из-за завала бульдозером;

— сначала женское в склепе (может, вторая жена?);

— рядом такой же склеп — мужское;

— целы волосы русые, рост 165–168 см, ноги 42 размер, сюртук, жилет, бабочка. Медный крестик, сосуд. Череп сохранился хорошо. По зубам — 35, по швам — 50. Привезли. Мысль об антропологах и судмедэкспертах. Сложные интеллигентские сомнения. Отверг их с Ир. Андрониковым[27]. Он: чтобы не растащили, как Гоголя. Есть портрет, зачем скульптуру? Скорее закапывать.

Предупредил, что в пятницу приеду, но готовиться в воскресенье к захоронению. Не думал Юрий Петрович, что его опять притащат в Тарханы. Я же решился. Думаю, что это обогатит, да и справедливость восстановит — он отец! поэта.

13 декабря.…Утвердил текст надгробной плиты на могилу Ю.П.Лермонтова. Была глупость — «прах доставлен» (!), как в бюро добрых услуг.

Окончательно надпись: «Юрий Петрович Лермонтов 1787–1831. Прах перенесен из села Шипово Липецкой области в 1974 году».

15 декабря. Дочитал Льва Любимова «Искусство Древней Руси». Интереснейшая в познавательном отношении книга. Рассчитана она на юношество, но написана с такой любовью ко всему русскому, к древностям народа нашего, что читаешь и не можешь оторваться. Прошлое входит в тебя не только как новинка, которую ты только что узнал (и это уже интересно), но и как симфония мудрости, красоты и величия народа, создавшего мировые шедевры. Мы часто, исходя из чисто классовых интересов, интересов утверждения нового строя, возникшего на развалинах разрушенного, сметенного революцией отжившего социального прошлого, много и долго доказывали и себе, и миру, что это прошлое мерзко, бесчеловечно, темно и невежественно. Но строй и народ нельзя смешивать. Нельзя об истории народа

судить по верхушкам. Есть глубинные процессы. И мне Любимов понравился тем, что он, приоткрывая историю Древней Руси, приоткрывает и душу народа русского — самого загадочного и достойного на планете.

1976

26 марта. В 10.00 начал прием населения. Поток огромный. Принял всего 46 человек и буквально все по жилью. Не знаю, что делать. Как помогать людям, а все с большой нуждой, с горем. Каждый второй — со слезами. Тяжелая картина. Сердце разрывается, а многим придется ждать, пока мы решим эту проблему, которой, кажется, нет конца. Никита[28] замахнулся решить ее к 50-летию Октября. Не получилось. Брежнев выступал в позапрошлом году перед избирателями в Бауманском районе, тоже замахнулся. Но просвета нет. Думаю, что чем дальше, тем острее будет эта проблема, а на ее решение уйдет 50–80 лет. Нам кажется, что мы близки, а на самом деле, мы только взялись за конец веревки, чтобы распутать огромный клубок. Огромная затрата нервов.

31 марта. Уехали в совхоз «Наровчатский». Еще раз смотрел остатки Сканова монастыря[29]. Колокольню, дом настоятеля, собор, икону Тихвинской божией матери (вернее, роспись). Обвалилась трапезная, в которой недавно был клуб. Одна стена оказалась деревянной. Наружная. Все рушится. Не сделаем сейчас, все рухнет, будет поздно. Есть у меня мечта — возродить этот шедевр начала XIX века. Может, начать пока частями, начать с проекта. Надо думать.

Побывали на ферме и птичниках. У людей приятно-хорошее настроение. Доброе впечатление оставляет директор совхоза Щигорев.

После обеда с Устиновым[30] на Вьюнки. Первая остановка на ферме в с. Б. Чердак. Многое изменилось. Подобрел народ, стал лучше относиться к делу, увидел просвет.

Во Вьюнках. Сразу в недавно открытую школу. Получилось хорошо. Народ искренне благодарит за помощь.

Старая школа была построена из поповского дома. Потом пристраивали кулацкие дома. В селе была деревянная церковь. Рядом недостроенная кирпичная. Ее так и не доделали. Попом (как мне сказал 60-летний крестьянин) был долго и до самого конца Владыкин. Жил в пятистенном доме.

Это Степан — брат моей бабушки Анны Александровны.

Он в 1893 г. окончил Тихоновское духовное училище в Пензе, в 1898 г. — Пензенскую духовную семинарию, 13.IX.1898 г. определен дьяконом в с. Белынь, потом в священники с. Адикаевки Нижнеломовского уезда, а 12 ноября 1905 г. священником в с. Вьюнки.

Здесь и закончил службу. Где-то пропал. Побирался [после революции]. Интересна судьба: он строил церковь и служил идеологом, я же в том же селе, спустя почти 50 лет, служу идеологом, построил школу и собираюсь сделать дом культуры.

Как странно иногда переплетаются людские судьбы.

Хорошая, добрая беседа на ферме. Народ всем доволен. Задали единственный вопрос: почему от нас откачнулся Садат[31]. Пришлось объяснять.

Село, когда-то бедное, заброшенное, начинает набирать силы, верит в свое будущее.

Вернулись в Наровчат. Позвонил Теткину Н.Л. — секретарю Мордовского обкома. Уговорил его дать из Ковылкина 250 тыс. шт. силикатного кирпича для строительства во Вьюнках дома культуры.

12 сентября. Читал ночью о Куприне (воспоминания Иорданской и дочери Ксении). Подумал, что мы очень мало сделали, чтобы увековечить память этого талантливого, противоречивого уроженца земли Пензенской. Надо хоть доску мемориальную повесить на доме и привести его в порядок в Наровчате[32]. Он современник моих наровчатских предков. Может, они и крестили его.

1 ноября. Заехали в с-з «Бекетовский». Село Бекетовка. Пустили коровник, а механической дойки нет. Родилки нет. Кормоцеха нет. В Красном уголке живут шабашники — татары из Елюзани. Домой к зав. клубом. Раньше работала учительницей. Родилась девочка. Дома сидеть некому. Перешла в зав. клубом. Вечером дома мать и отец.

Село 133 двора. За три года (в 1974 г.) родился 1 ребенок, а умерли, кажется, 28 человек за это время. Трагедия нашего села.

Зашли в обветшалый клуб. Снег заметает в дверь.

Одна печка. Механизатор и пом. комбайнера.

— Что вдвоем бродите?

— Девчонок на селе нет. Гулять не с кем!

В селе ничего нет. До железной дороги 26 км. Автобус не ходит. Естественно, что молодежь бежит из этого села.

25 декабря. Заехали домой, а потом в Картинную галерею на открытие выставки Н.В. Кузьмина[33]. Мне дали слово. Пришлось экспромтом рассказывать о Кузьмине, его творчестве. Это выдающийся, даже великий иллюстратор книги. Черная повязка на глазах. Остался один глаз и 30 % зрения. Расходует только на любимое дело — иллюстрацию книги. Остальное время живет в

«темноте». Ясный ум, светлая память в 86 лет!

Пистунова[34] немного длинновато, А. Оя[35] — сумбурно.

Беседа с коньяком и кофе в кабинете Сазонова[36] с Пистуновой. Восторженная женщина, много знающая и много видавшая. Очень тонкое замечание о сухости экспозиции в Тарханах. Нет интимных деталей, обращенных к человеку. Этим отличается Михайловское. Там все, как при Пушкине, у нас — много современного, привнесенного. Надо думать!

Показали ей Музей народного творчества. Восторг. Особенно ковер с головой лошади, соломенные фигурки Медянцевой[37] и абашевские игрушки[38]. Опять тонкое замечание: хорошо бы разделить в экспозиции подлинно народное творчество и подделки под него (всякое литье, выжигание и т. п.). Тут есть вопрос!

1978

6 января. Был С.С.Попов[39]. Интереснейший список знатных людей пензенской земли. Надо его, пока есть силы и власть, осуществить и всех прикрепить к реальным местам. Гениальная, не приходившая мне, его мысль: религия живет тем, что утешает! Христос: «Приди ко мне, страждущий, я утешу!» Не понимал этой стороны, а она так важна для понимания всей сущности идеологической работы среди народа.

8 февраля. Заехали в библиотеку. Изумительная патриотка, настоящий сельский интеллигент — Любовь Петровна Сысоева.

Договорились, что она будет думать, а я искать деньги на создание образцовой сельской библиотеки, исходя из понимания того, что это не выдача книг, но место отдыха. Она загорелась!

5 марта. День теплый, но солнце за облаками. Медленно крадется весна. Только бы не оборвалось залпом. Потопит. Сегодня — ставший традиционным праздник «Проводы русской зимы». Вся поляна заставлена палатками. Народ валом валит, и не столько на автобусах, сколько пешком. Веселовские горы (дал с легкой руки такое «веселое» название) все больше становятся местом массового отдыха горожан. Настроение у людей праздничное, веселое. Смотришь и невольно думаешь, какую величайшую глупость в ходе революционных преобразований совершили — отмели, отвергли начисто народные обычаи, уходящие корнями в далекую седую старину. Погоня верхушки за идеей ударила по народу, хотя народ нас на это не уполномочивал. От имени народа лишали народ народных обычаев. Несуразица.

8 марта. Думал о некоторых веяниях. Западная пропаганда душит «правами человека». Мы создали отдел «контрпропаганды». (Замятин!) А вопрос довольно не сложный: базис ни у кого не вызывает сомнения, речь идет о формах и методах действия надстройки. Проще: речь идет о мере демократии в жизни нашего общества и других социалистических стран. Многое можно и нужно изменить, вместо того чтобы создавать отделы защиты существующего.

Кажется, как раз здесь проходит та красная черта, которая отделяет ряд западных европейских компартий (Франция, Италия) от нашего образца. Можно, защищая образец, кое-что в нем и поправить в интересах социализма.

23 августа. На повороте у дороги лежит пьяный мужик с фамилией Аракчеев!

Места здесь — стародворянские. Село Бутурлино выселено из Знаменки. Помещица Олейникова жила в местечке Улан. Так и теперь называется поле. Остались от былого парка кусты роз. Это в Приволье. А в Бутурлине — помещица Авксентьева.

28 августа. Успение. Третий Спас. Первый день молодого бабьего лета. Небо было хмурым, но обошлось без дождя.

До поздней ночи читал Вл. Орлова «Гамаюн». Знал Блока хрестоматийно («Незнакомка», «Двенадцать»), знал по душе. Почему-то в 1961 г. его стихи нравились, переписывал, знал некоторые наизусть. Но… откровенно — никогда по-настоящему его не понимал. Он был для меня поэтом безвременья, даже безличия. Какая-то туманная отвлеченность. Книга Орлова все ставит на место. Впервые я начинаю понимать Блока, как поэта земного. Заслуга книги — проецирование творчества Блока на время, общественную обстановку и личные переживания. Все клубком связалось и породило его поэзию. Вне понимания этого, понять Блока — действительно, великого русского поэта — невозможно.

20 сентября. В 9.00 начал прием населения. Затратил три часа, а прошло 46 человек. Нагрузка адова, если еще принять во внимание, что большинство требует жилье, а половина из них ревет, плачет, закатывает истерики.

Самое сложное — родительницы из детского сада, который отдаем под дом ребенка. Орали долго и много, сквозь слова — какая-то слепая материнская озлобленность, остервенение. Поколебали мою решимость.

После приема — интересный разговор с ленинградским скульптором Аникушиным[40]. Условливаемся, что он берется с благодарностью за Лермонтова, понимает, что Лермонтову ни в жизни, ни в скульптуре не везет. Просит не спешить. Будет делать после Чехова в Москве. Условились, что в октябре он будет в Пензе.

Был в доме ребенка. Зрелище детей, брошенных еще в роддоме матерями — страшное зрелище. Слезы накапливаются при виде грустных детских глаз, неуютности, неустроенности этих несчастных созданий.

Окончательно решили переселять их в более благоустроенный детский сад.

16 октября. По телефону с Вл. Орловым, автором «Гамаюна». Поздравил его с замечательной книгой, прелесть которой вижу в том, что Блок, его поэзия впервые предстали реально, ощутимо, перестали висеть в воздухе. Я воспринял поэзию Блока как отражение его восприятия эпохи, личных переживаний.

Орлов доволен. Это — цель его всей жизни.

В Ленинграде открывают мемориальную квартиру. Я сказал о Бекетовке и Алферьевке. Вспомнили об Урлейке. Жил там старший брат Бекетовых — Алексей.

О последних месяцах. Я сказал, что понял, в чем дело. Он — да! Мне хотелось оставить его молодым в памяти. Последние дни [Блока] мучительны, в том числе и от невнимания к нему. Все бросили. А это накладывает тень. Едва ли это надо. Просто умолчал!

Благодарит за Блока. Память о нем.

16.00 на телевидении. Просмотр фильма о хлебе.

Вечером беседа с мальчишками (их пятеро), которые свалили памятник Лермонтову в сквере, перевернули скамейки. Ничего понять не мог — что за радость? Что-то разрушительное есть в молодежи… Жалко их и родителей.

31 октября. К вопросу о религии:

— ясно совершенно, что христианская религия на Руси сыграла прогрессивную роль. Владимир умно выбрал веру, пожалуй, самую демократическую. Скоро 1000-летие!

— религия христианская — первая идеология русского государства, основа его консолидации и объединения;

— в борьбе с монгольским игом Сергий Радонежский сыграл решающую роль, вдохновив Дмитрия Донского на Куликовскую битву;

— на основе религии у нас родились книгопечатание, живопись, музыка;

— подвижность религии. Демократичность в умении приспособиться к любому строю, даже социализму. Ее основа — человеческая. Роль религии в годы Отечественной войны;

— мерзкая роль Ярославского и Совета воинствующих безбожников […] в разгроме и поругании многого из того, что было святым для русского;

— били по религии, а ударили по народу, его тысячелетним обычаям. И теперь сложно отличить, где религия, а где народный обычай, традиция. Тут сложный вопрос!

15 ноября. Утром по телефону с Поляничко В.П.[41] из ЦК КПСС. Мучаются с «Целиной»[42]. Подтягивают ее к 25-летию

начала освоения. Сделают юбилей. Вспомнил, что я был начальником первого эшелона целинников. Обещал сказать об этом «Комсомольской правде». Собрал сам старые газеты.

Ездил в Рамзай, посмотрел бюст Загоскина и камень на месте острога. В душе радость, что удалось закрепить для потомков эти почти потерянные места. Немного жалко, что я не влез в детали и видны элементы спешки и всяких небрежностей. Победа одержана, но надо ее отшлифовывать. Поручил архитектору Бреусову.

25 ноября. Интересная краеведческая деталь. Лет 10 назад ломали в Краснополье[43] особняк управляющего княгини Голицыной (она из Кищевки). Нашли циркуляр по весеннему севу:

— выдавать мужикам по фунту мяса;

— хлебом кормить от пуза.

Эпиграф послания: «Хлеб пузом не перетаскаешь…».

1979

6 апреля. Ночью морозец до -5°, но метель утихла. Солнечный день, холодный ветер.

Завтрак в Тамале[44]. Опять разговор о проблемах миграции. То, что вчера видел и понял, приводит к грустному выводу — наверху не очень беспокоятся о судьбе и будущем русского народа, составляющего фундамент нашего государства. И это не первый раз. В 30-е годы под видом революционных преобразований размотали все русское. А как только возникла война и первые трудности в защите государства, вспомнили: «Пусть осенит Вас… мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» Вот так вот! И теперь идет тоже чехарда — русский народ тает на глазах, живет хуже других, его грабят всякого рода армяне, азербайджанцы, осетины в виде диких бригад на стройках, увозящие миллионы рублей его денег. На эти деньги у себя сооружают замки, покупают машины, рожают детей, а Русь пустеет. И ни у кого ни одного серьезного вопроса. Придумали Нечерноземку, но там уже пусто…

30 апреля. Когда я думаю о причинах, истоках нынешних непорядков, то невольно мысль идет в одном направлении — это все не есть результаты промахов одной личности. Нет, чем дальше, тем больше рождается убеждение, что все это заложено в самой системе, ее основах, ее направлении при определении и выборе путей движения.

Кто знает, а может, зерно уже посеяно в почву тогда, когда шли яростные споры о формулировке парагр. 2 Устава партии, а потом, с приходом к власти, дополнено такими внешне безобидными решениями, как

— разгон Учредительного собрания;

— отказ от сотрудничества с другими партиями в составе правительства;

— введение Красного террора и расстрелы на месте без суда и следствия;

— решение X съезда РКП(б) о единстве партии и запрет какой бы то ни было фракционной борьбы (за фракционную мысль можно выдать любую, не соответствующую взглядам руководящего ядра).

Без железной дисциплины невозможно было победить в жесточайшей классовой борьбе, но нужно ли и полезно ли для

развития общества превращать ее в абсолют в любых условиях — тут есть вопрос, и немалый вопрос.

Отсутствие критики пагубно сказывается на развитии, снимает внутренние двигатели.

Еще об одной закономерности: чем старше общество, тем старше у него руководитель. Старших будут менять старшие. Без какого-то взрыва невозможен прорыв молодежи к руководству. А это — едва ли положительно. Молодежи свойственна и свежесть, и смелость мысли.

9 мая. Мысль странная, но неизбежная в этот день: единственный город в Советском Союзе, где нет никакого памятника Победы, — Москва. Все областные, республиканские города, многие районные центры, так или иначе, с большим или меньшим размахом, отдали дань уважения павшим воинам, соорудили обелиски. А в Москве — Могила неизвестного солдата. Почему неизвестного? Всех или призывали по именной повестке, или по заявлению добровольца. У нас не было наемных войск, а «могилу» мы восприняли из Франции. И сделали ее плохо, только из Подмосковья. А если «братскую» — перевезти гробы [неизвестных] солдат со всех полей битв, похоронить командующих фронтами, здесь же могилы Жукова, Василевского… Как бы это обогатило память о войне!

В Москве этим заниматься некому. Не хотят.

Тратим миллионы на Новороссийск, т. к. там «Малая земля», а на Москву нет ни желания, ни средств. Каждый, ставя памятники, хочет увековечить себя, а не солдат. Беда!

13 мая. Полистал старые дневники, нашел хорошую фразу из Шамфора[45]: «Чтобы жизнь не казалась невыносимой, надо приучить себя к двум вещам: к ранам, которые наносит время, и к несправедливостям, которые чинят люди».

Временами казалось, что время работает не на нас, на самом деле — против нас. Наверху создали обстановку боязни к группе комсомольских работников ЦК и Москвы 50-х годов. Ребята, вроде толковые, но их зажали всех. Я наивно думал, что меня забыли. Когда вызвали с предложением ехать в Афганистан — насторожился, когда же узнал, что после моего отказа поехал туда Семен Веселов (секретарь МК ВЛКСМ 50-х годов), выстроилась система: и меня не забыли, держат всех на примете и учете.

Говорят, что мое личное дело не раз со всякими предложениями таскали в ЦК КПСС, но как только просвечивало комсомольское прошлое — отбрасывали. Последняя попытка

была у А.И.Шибаева[46].

26 мая. Чем дальше, тем больше душу охватывает грусть за образовавшуюся не по моей вине пустоту. В жизни так, вероятно, часто бывает: хочешь делать — тебе не дают, не хочешь — заставляют; способен на одно — отводят совсем другую роль. Какой-то мрачный и не очень удачный спектакль, в котором есть актеры, но нет разумного режиссера. Режиссер не столько думает, как будут играть свои роли актеры, сколько — а как он смотрится в роли режиссера! А при хорошей организации публики и прессы, аплодисменты всегда обеспечены с гарантией.

25 октября. День возился со всякими бумагами.

Мысль: а не находимся ли мы сейчас у самого начала зарождения противоречивой ситуации. Судя по всему — верхи уже не могут. Самое страшное — трещит весь хозяйственный механизм. Стоит сомкнуться с нежеланием низов мириться с этим, как появятся острые противоречия. Выхода иного пока не видно. Кто знает, чем все это закончится. Низы понимают, но молчат.

3 декабря. Весь день получился каким-то литературным. Максяшев принес книгу А.Гладкова о Мейерхольде. Федина показала посылку музею от И.Ильинского[47], есть две фотографии с подлинными автографами Мейерхольда.

Написал письмо Валентей[48], Маркову[49] и В.Орлову.

Говорил по телефону с Ц.И.Кин[50], поздравил ее с выходом книги, за которую она болела, и которую, собственно, начала.

С А.В.Февральским — автором предисловия. И его поздравил.

С Валентей. Она продолжает поиски в Москве. Человек деятельный и боевой. Надо что-то написать М.Жарову[51].

Говорил вечером с В.Н.Орловым, высоко оценил его «Гамаюна». Думаю, что надо бы этой восхитительной работе дать Государственную премию СССР. О Блоке и Бекетовых. Обещал ему книгу о Мейерхольде, он — «Гамаюна».

Да! Еще с Т.А.Мавриной[52] и Н.В.Кузьминым. Обещал послать эпиграммы Пушкина.

Да, дозвонился до Льва Ошанина в Переделкино. В боевом состоянии, работает над какой-то поэмой, готовит 2-й том своих сочинений. Договорились созвониться позже.

19 декабря. Пришел Акимов[53] со странным вопросом — что делать? Вагонов нет, топлива нет, некоторые литейки не работают из-за отсутствия кокса, молока не хватает.

Потом Огарев[54]: нет кормов, скот, особенно народившийся молодняк, гибнет.

Что-то совсем разладился наш хозяйственный механизм во всех отраслях. Теперь не только в сельском хозяйстве. Захватил энергетику, транспорт, промышленность. И объяснить трудно. Дело, конечно, не только в людях, но и в каких-то базисных явлениях. Что-то долго накапливалось в самой основе и теперь полезло наружу. Неясно только, чем это кончится…

1980

3 января. Умер Степан Щипачев. Отличный поэт, но очень скромный, посвятивший себя только стихам. Может, потому так и не стал Героем, хотя заслужил звание больше других.

8 января. Получил письмо Е.Евтушенко. Пишет, что хочет приехать, но предпочтительнее весной.

Получил книжку Т.А.Мавриной «Стеклянный пруд». Сделана довольно своеобразно. Приятно иметь ее в библиотеке.

Беседа с А.Е.Щербаковым[55]; общий замысел — преобразить верх улицы Кирова: восстановить вал и фрагменты крепостной стены, обозначить крепость Пензу символом в виде набатной башни с колоколом и подлинной пушкой, а напротив, на самом обрыве, создать сквер и установить памятник «Первопоселенцу Пензы». Сделать это все — к 8 сентября с.г. — дню 600-летия Куликовской битвы. Вроде бы не имеет отношения, но без этой битвы быть бы нам вечными рабами мусульман, да, пожалуй, христиан бы и не осталось. Русь отатарили бы. Щербаков выступает «за».

Западное радио кричит о том, что мы стремимся «поработить» Афганистан. У нас это «порабощение» своеобразно — посадим себе на шею еще одного едока и будем кормить и пестовать.

11 января. Статья о культе в «Коммунисте». Написана серьезно, очень обстоятельно. Но любой строй, как только он прочно завоевывает власть, стремится доказать, что он — самый справедливый, учение — самое умное, а дела — самые лучшие. И не тут ли признак того, что он начал стареть безнадежно, уже прошел свой зенит.

8 февраля. На заводе «Красный гигант»[56]. Встретил директор А.И.Щанников. Тяжелая судьба. Жена умерла от рака, оставив двух мальчишек. Перед смертью просила жениться на своей младшей сестре. У нее — свой ребенок. Теща. Прошло 40 дней, он женился. Все осталось на местах, хотя, понятно, столько сложностей возникло. Ему 41 год.

Сразу в экспериментальный цех. Лучшие мастера завода — гордость и цвет. Все старые знакомые. Показали свою работу, потом сердечная беседа о многих проблемах. Это — костяк завода, его великое наследие.

14 февраля. Поднялся рано. После завтрака поехали на Дубровку[57], в которой не был с 1965 года. Яркое солнце, морозный дымок, в узорах оконца резных домов.

Заехали на ферму с. Алексеевка с-за «Кулясовский». Жуткая картина: транспортеры порвались, водопровод не работает, воду таскают ведрами, бабы выгребают навоз лопатами. В углу конюшни на корточках сидит обалдевший мордвин. Глаза открыты, но он ничего не воспринимает и не понимает. Бригадир говорит, что в магазин привезли примусную жидкость по 64 коп. за бутылку. Мужики ее пьют и обалдевают.

Заехали в магазин. Есть эта жидкость, крестьяне ее зовут «Огонек». Крепость 75°, синяя. Кроме жидкости в магазине — водка и черствый хлеб, да [консервы] «Завтрак туриста». Мыла нет, соли нет, курева нет. Пустые полки. И кто-то придумал называть все это «развитым социализмом». В московских кабинетах, за кирпичной стеной, откуда и сотой доли того, как на самом деле живет народ, не видно, выдумали это определение. А оно — снимает ответственность за элементарные вещи, недопустимые для элементарного социализма. Он — чем больше «развивается», тем больнее народу икается.

* * *

В Дубровках. Председатель Кочиев — мордвин. 31 год, а подозревают, что было два инфаркта. Трудно зимует, не хватает соломы, побирается по всему району. На ферме хороший порядок. Травят семенной картофель.

16 марта. Война в Афганистане — пожалуй, наиболее странная из всех за все годы Советской власти. Даже в боях за Испанию мы знали героев. Теперь же, хотя войска и вошли в эту страну, нет сводок о боевых действиях, трупы есть, подвигов никаких, наши солдаты погибают молча и безыменно для народа. Имена узнают только родственники. Для нашего отношения к подвигу — это необъяснимо и непонятно. Мы даже воспитывать патриотизм лишены возможности.

31 марта. Со Слицаном[58], скульптором Матвеевым[59] и архитектором — стелу Блока. Очень громоздко и дорого, без учета местности. Одни разговоры, жалобы на бездействие и отсутствие заказов, а когда дают заказы — пустота и мука. Сколько раз зарекался с ними связываться, но не могу, им надо жить. Заказ на Филатова[60] отдали Качеровскому[61]. Что из этого

получится, надо посмотреть.

Рассмотрели тексты мемориальных досок Ставскому, Мейерхольду, Куприну, Малышкину, Ем. Пугачеву (на камень) и Ф.Д.Кулакову[62]. Сказал, чтобы делали.

15 апреля. Как в той знаменитой песенке: «А за окном то дождь, то снег…» Сегодня весь день белым полотном старательно и настойчиво укрывал город.

Это неплохо, но сев оттягивается и оттягивается. Дело пошло на то, что массовый разворот сева может наступить в считанные дни Первомайских праздников. Крестьяне будут работать, но вот городские гости привезут с собой столько праздничного настроения (в том числе и в бутылках), что может тяжело сказаться на работе.

А гуляем четыре майских дня и три дня Победы. Жуть какая-то! Опять первую декаду страна, где «всего не хватает», будет находиться в хмельном разгуле, и никто ничего сделать не может, а наверху и не хочет. Примут решение два дня причислить к отпуску, а выкручиваться руководителям предприятий.

Усложняется и вопрос с кормами. Солома на исходе, а появление зеленых кормов в связи с запаздыванием весны — дело длинное. Придется и тут перебиваться, выкручиваться.

19 апреля. Ф.Тишин принес альбом «Илья Глазунов». Издан в Италии потрясающе. Я, пожалуй, такого рода альбомов, посвященных живущему советскому художнику, не помню.

Говорят, что его недавно прокатили в «академики». Вероятно, обычная зависть. В нем есть коренное, в крови спрессованная и в генах заложенная любовь неистощимая к русскому народу. И этого у него нельзя отнять. Можно спорить о живописных достоинствах или недостатках той или иной картины, но для меня бесспорным является тот факт, что он поразительно талантлив в своем поиске, в своей приверженности к русской истории, в своем бережном прочтении ее страниц. И история для него не литературщина, а опять-таки светлая любовь к людям, я бы с особой силой сказал — к русским людям, творившим эту историю.

Есть у него, как и у Солоухина, тяга к патриархальщине, но плохо ли это, сказать трудно.

После погромов, учиненных луначарскими, ярославскими и прочими из этой когорты архиреволюционных сокрушителей русской старины, неизбежно должны появиться, и появились Солоухины, Глазуновы и др. Моя позиция совершенно ясна — я с теми, кто решил хоть что-то сохранить из разметанного,

разбитого прошлого.

27 апреля. Одно краеведческое наблюдение (догадка):

— курганы кочевников стоят на высоких местах вовсе не потому, что теми, кто их закладывал, руководили какие-то высокие эстетические чувства (высота положения кургана, обзор, видимость с дальнего расстояния), а чисто практические соображения — они сооружались на самой дороге, по которой проходили кочевые отряды, вблизи ее (кочевые дороги по водоразделам рек), а будучи сооруженными, следующим поколениям служили своеобразным степными «маяками» в выборе пути среди безбрежной степи. Ехали от курганов к курганам.

Если бы можно было с помощью фоторазведки занести на карту все курганы, легко определялись бы основные направления степных дорог.

20 мая. Подумал: только русские могут так — сломать храм, возведенный на деньги, добытые потом и кровью народа, взорвать его и на месте алтаря поставить памятник Карлу Марксу[63]. Своеобразно всё.

10 июня. Думал о значении идей в жизни общества. Они почти всегда двигатель прогресса. Чем новее, тем революционнее, чем старше, тем больше покрывают и оправдывают то, что сложилось в результате победы идеи.

За многими идеями стоят конкретные люди, а поэтому нередко борьба за торжество идеи имеет за собой борьбу людей, наиболее ярких сторонников идеи, за свое преобладание в обществе. Победа идей нередко приводит к победе личности и личностей в борьбе за власть.

Именно поэтому, нередко, борьба эта носит кровопролитный, разрушительный для общества характер.

Чтобы строить новое — надо разрушить старое!

7 сентября. Заехал к «Первопоселенцу»[64]. Машины старательно моют свежий асфальт. Ребята укрепляют буквы надписи. А так все почти готово к открытию. Завтра!

Жалко, что тайком приходится все делать и по-воровски отмечать 600-летие Куликовской битвы. Святое русское стало не гордостью, а чем-то нудно неизбежным, но никому не нужным. Не за историю, а за себя болеют. Особенно Соломенцев[65] и рядом с ним стоящие.

Уровень Казахстана (60 лет) и Куликовской битвы (600 лет)!

Стыдно!

8 сентября. Ночь какая-то беспокойная. Постоянно просыпался. На душе какое-то тягучее, тяжелое чувство. И это от искренней обиды за русский народ, вернее, за отношение к русскому народу. Хоть он и «сплотил навеки», но к тем, кого сплотил отношение лучше… Как парадокс звучит факт — 60-летие Казахстана, родившегося на осколках разбитой Дмитрием Донским и добитой Иваном III Золотой Орды и нашего вечного и беспокойного врага, особенно в XVI–XVII вв. Ногайской орды, праздновали на таком уровне и с такой помпой, а 600-летие Куликовской битвы — величайшее событие в истории русского народа — скромно, провинциально, приглушенно. Понять не могу, почему доклад об этой годовщине, да и торжественное собрание в Туле, вел 1-й секретарь Тульского обкома, да еще Юнак. Разве эта битва освободила только Тулу? Стыдно за неразумность и бескультурье наших верхов, наплевательское отношение к святыням.

После планерки почти всем составом бюро обкома — к Историческому валу. Собралась без особых объявлений масса народу. Посмотрели вал, пушку с набатной башней, подошли к памятнику «Первопоселенец». Дал команду снять покрывало. Долго что-то дергали, но потом открыли. Смотрится прекрасно.

Это лучшее, что есть в Пензе. Интересен по композиции, несет извечную идею обороны и труда (копье и плуг), решен в спокойно-русском стиле.

Рад, что хоть так отметили юбилей Куликовской битвы. На душе радостное, трепетное состояние.

Работал в обкоме, заезжал днем [к памятнику], а потом и вечером смотрел при прожекторах. Город стал богаче от этого памятника, да и всего комплекса.

Какая-то женщина: «Это обогащает Пензу!»

В городе праздник, люди потоком идут. Он стал предметом любопытства и гордости горожан. В «Правде» упоминание обо мне в связи с памятником Лермонтова и Аникушиным. Надо давать статью в «Советскую Россию».

Москвичи решились на торжественное собрание в Колонном зале[66]. Уровень — Соломенцев, Капитонов[67] и Евг. Тяжельников[68]. Нет даже В. Гришина[69]. Докладчик Б.Рыбаков[70]. Всё на словах громко, а в жизни — скучно получилось.

18 сентября. Становлюсь «популярным». То в «Юности» благодарность за Гладкова и Мейерхольда, то в «Правде» за

памятник Лермонтову, вчера в «Советской России», а сегодня в «Лит. газете» благодарность дочери Куприна за создание музея ее отца. Лев [Л.Б.Ермин] бы уже не выдержал, Федор[71] переносит спокойно.

30 октября. Слушал вчера у Миши песни В.Высоцкого. Пел он хрипло, но поэт, безусловно, талантливый. Когда-нибудь издадут его песни, и это будет одним из интереснейших документов нашей эпохи.

2 ноября. Начал читать Л.Безыменского «Разгаданные загадки третьего рейха». Много деталей, подробностей, стало как-то не по себе оттого, что мы своей подлинной истории совсем не знаем. Есть официоз и немного мемуаров. Официальная история не лезет в детали.

Лежит же огромная масса документов, начиная с 1924 года, но она мало публикуется, не исследуется и не становится достоянием людей. У нас история — это не факты, а цитаты, и то только «правильного направления». Вероятно, нужно время, но мы его не дождемся.

28 ноября. 13.00 открытие памятника Бекетовым и Блоку[72]. Прежде чем открыться сказал: «Сегодня большое событие в культурной жизни области. В этой роще, которая будет называться Бекетовской, мы в день 100-летия А.Блока открываем скульптурную композицию, которая увековечит в памяти потомков образы выдающихся ученых России А.Н. и Н.Н. Бекетовых и великого русского поэта России Александра Блока.

Это будет служить патриотическому воспитанию нынешнего и будущих поколений молодежи, порождать у них высокое чувство любви к родной земле».

10 декабря. Интересный разговор с художником Ильей Глазуновым. Звонок он воспринял за большую честь. Рассказал ему о замысле выставки одной картины. Он воспринял ее с восторгом, говорит, что объехал весь мир, но ничего подобного не встречал. Экспонироваться на такой выставке — честь для художника любого ранга. Готов дать картину «Подвиг», которую сейчас заканчивает, и «Блудного сына», а вообще готов подписать союз до последних дней своей жизни. Условились, что или в декабре, или в январе он приедет в Пензу. Поблагодарил за партийное, русское отношение к искусству. О пейзаже. У кого-то «Брат раскулачивает брата». Условились еще созвониться.

27 декабря. Заехал к скульптору Качеровскому. Страшная жизнь какого-то Диогена. Десять лет нет паспорта, живет в брошенном сарае, на одной халабуде спит он, рядом в углу на раскладушке боксер. 41 год — ни семьи, ни угла. На стенах репродукции с мировых шедевров ваяния. Сам живет только скульптурой. Говорит о прекрасных вещах и говорит умно, а своего элементарного места не имеет. Да и деньги редко бывают. Сейчас — берет взаймы. Когда не дают взаймы — ловит и варит голубей. И это художник в эпоху развитого социализма. Что же он может изобразить? Показал Филатова в гипсе. Мне не очень нравится, но он вдохновлен, говорит, что в граните дотянет. Жалко критиковать. Может, ему и виднее?

В обком. Федор [Куликов] насмотрелся в Колышлее[73] доброго. Во всех хозяйствах, даже на предприятиях, заводят свиные микрофермы, или нетоварные фермы, заводят уток, раздают обреченных бычков на откорм частным хозяевам. Хочет показывать всей области.

Жалко одно — потерянное попусту и во вред обществу время. В 60-е годы с ножами гонялись за частным скотом и вырезали его. Потом под лозунгом специализации и концентрации вырезали хорошие свиные фермы. Остались без мяса.

Теперь возвращаемся к исходному, и никто за это не отвечает ни материально, ни даже морально. Бардак какой-то, и нет порядка, нет спроса. Живем будущим, не оглядываясь и не анализируя прошлое. Все, что мы делали и делаем, — это мудро, надо идти дальше. А эта «мудрость» за ноги хватает, спотыкаемся, разбиваем носы, как пьяные, — идем вперед.

Новые решения не возникают на базе анализа старого. Такой анализ страшен всем.

1981

9 января. Утром уехал в Бековo[74]. На двух машинах едем через великую степь. Следы кочевий и курганов.

Она было обжилась, эта степь, а теперь снова редеет. Уходят люди, распадаются поселки, забиты ставнями дома, в новые квартиры часто и вселять некого. Раньше человек к хлебу шел, а теперь от него бежит в город в расчете на готовое. А как без хлеба дать это готовое? Но это уже наша забота, а не крестьянина. Мы же постоянно опаздываем. Вообще, как какое-то проклятие висит над нами: сначала упустим, а потом догонять начинаем.

Сейчас дорогу проложили почти до Грачевского совхоза. Это обеспечит жизнь людям, но нет уже этих людей. Одни убогие остались. Жилье, культбыт, деньги делим всем поровну, а надо бы вложить в районы, где можно взять хлеб…

Около 7-ми вечера вернулись в Бековo. Опять камин. Я читал «Память» Чивилихина. Интересно о средних веках и древности. Сами себя обираем. Он выступает русофилом в хорошем смысле слова. Должен откровенно сказать, что старанием В.Солоухина, теперь Чивилихина мы начинаем возобновлять историю России, которую было загнали в методологические рамки, узкие для исторической действительности.

17 января. Читал Ал. Серафимовича «Пески». На фоне скучного и однообразного пейзажа идет страшная жизнь. Старик любит молодую, молодая, став старухой, любит молодого. Мурашки по спине. Теперь так писать уже не умеют…

18 января. По телевизору «Отец Сергий». Играет Бондарчук. Мысль: вероятно, всегда вера, носившая официальный характер, вызывала неверие, особенно среди мыслящих людей. Они уходили в монастырь или в революционеры. Куда уходить мыслящим, но сомневающимся в вере, в наше время?

24 января. Спал до 8-ми утра. Можно, конечно, поехать куда-нибудь в совхоз, но нет настроения. Я пока ничего нового дать не могу, а всё, что есть там, мне давно известно. Просто не хочется лишний раз дергать нервную систему себе и людям. Вчера начал читать в журнале «Наш современник» Ивана Васильева «Земля русская» — своеобразное и захватывающее произведение, которому даже по жанру не дашь определения. Здорово отдает русофильством, но анализируются такие глубинные вопросы жизни нашей деревни, что диву даешься глубокомыслию и

известной смелости автора. Мне особенно запомнилась короста на больных телятах: это от неурядицы, голода. Пройдет, и короста отпадет. И авторская вставка: 35 лет прошло (речь шла о войне), а всё не отпадает, сдирать надо!!!

Многое не от материализма, не от экономики, а от души, совести — мерил, которыми долгие годы пренебрегал социализм.

* * *

Днем последствия трагедии на р. Хопер. Два тракториста на К-700 из Тамалы решили сократить 600 метров и двинулись через лед. Старик остановил, предупредил. Всё равно поехали и оба утонули. Русская бесшабашность. Ее не объяснишь…

27 января. Сегодня мороз покрепче. Около 17°. Утром седой иней, днем морозная дымка над городом.

Вчера читал Вл. Солоухина «Время собирать камни». Стало понятно, отчего он, хоть и дал мне слово побывать в Тарханах, — не приехал: его стиль — критический реализм. Там, где по увековечиванию памяти прошлого что-либо делается, ему неинтересно, нет обличающей канвы, а восторгаться он не привык, да это его, по концепции, и не устраивает.

25 марта. Остановился в Бекетовской роще.

Блок потемнел и здорово смотрится на фоне белых берез, как бы по цвету сливаясь с темными грачиными гнездами, да и их владельцами, крикливо и хлопотливо устраивающимися в глубине рощи, на верхушках берез. Гомон поэтический.

Но радует, что удачно выбрали место, и оно зажило, стало работать во имя людей. Кто-то к подножию Блока положил ветки сухой травы. Летом придется заниматься (скамейки, дерн, может, четверостишие полностью), но вещь есть!

29 марта. Два вечера читаю прозу Марины Цветаевой. Крученая, жеманная женщина. Может, в стихах это и неплохо, а в прозе трудно.

Понравилась мысль об обществе при открытии музея [изящных искусств] Александра III в Москве (отец его строил): «Вся эта старость залита золотом: чем старее, тем золотее, чем дряхлее — тем блистательнее, чем тусклее око — тем ослепительнее грудь».

13 мая. По телевизору документальный фильм о

легендарном разведчике Н.Кузнецове. Жуткое дело: устоял в борьбе с фашистами, действуя в их рядах, каждый день соприкасаясь со смертью, а погиб от руки украинских националистов-бандеровцев. Надо же так! Стоит ему памятник во Львове, но это не только памятник его подвигу, но и укор народу, из среды которого вылезли эти бандеры и им подобные.

28 июня. И.Сталин знал и любил историю, отбирая из нее личности, которые больше всего соответствовали, с моей точки зрения, его личному представлению о том, какой должна быть эта личность не с точки зрения внешнего облика и характера, а с точки зрения результатов своей деятельности, служения народу. Судя по появившимся при его жизни книгам и фильмам, больше всего его интересовали Петр I, как преобразователь России, и Иван IV, создатель многонационального государства, бескомпромиссный борец с боярской оппозицией. Всё это ему импонировало, давало вдохновение для борьбы.

11 июля. Рядом с Нивой[75] остатки села Литомгино. Церковь взорвана. Насколько помню, в ней был похоронен первый пензенский губернатор времен Екатерины II — Ступишин[76]. Завалили теперь обломками. Надо сходить к какой-нибудь старухе, разузнать детали…

6 августа. Читаю вечерами В.Ключевского. Поразительно глубокий, умеющий вникать в тончайшие детали хода исторических событий на основе изучения подлинных документов, а не компиляций.

Время покажет, что этот далекий от надуманных схем историк — был и остается одним из самых выдающихся в развитии исторической мысли русского народа.

11 августа. Читал Ф.Абрамова, подумал, что писатели — это часто историки в изгнании. Официальная история пишет о мудрых решениях, указаниях и т. д. Писатели же, рассказывая о жизни народа, дают фактическое состояние дел и народное преломление этих указаний, их последствий.

24 октября. Начал читать К.Рудницкого «Мейерхольд». Мало бытовых деталей по Пензе. Откровенно пожалел, что когда-то отдал «Библию» на немецком языке С.Кульневу[77] с надписью пастора. Может, это тот пастор, что участвовал в судьбе семьи Мейерхольдов. Надо посмотреть эту книгу и… в музей.

Посвящать музей одному Мейерхольду нельзя. Впервые

узнал, что он последний раз был в Пензе в 1904 г. Больше ни времени, ни желания не нашел…

25 октября. Читаю К.Рудницкого «Мейерхольд». Много всяких поисков, носящих, как правило, скандальный характер. Единственно, пожалуй, где он спокойно работал — это режиссером императорских театров в Петрограде. Всё остальное — сплошной скандал.

Жалко, что и Рудницкий сбивается на столкновение Мейерхольда со Станиславским, и особенно с Немировичем-Данченко. Да еще и этих ссорит внутри. К.Станиславский создал систему, а Мейерхольд — дал лишь гениальные всплески режиссерских находок, каждая из которых отлична от другой. Это — постоянные искания без каких-либо серьезных обобщений. Искания часто формалистически-левацкие.

26 октября. Я прочитал К.Рудницкого «Мейерхольд». Книга интересная, но написана с каких-то эстетических позиций. Не столько жизнь, сколько разбор спектаклей Мейерхольда. Слабо дана социальная среда, мало объяснимо его вступление в члены партии большевиков.

Выглядит он постоянно талантливым неудачником, особенно в советские годы.

Сказывается неорганизованность мышления, великая самонадеянность, невысокое чувство ответственности за доверенное народом дело, штукарство.

Прочел после в «Известиях» за 1938 г. решение Комитета искусств о закрытии театра Мейерхольда (написано явно рукой Сталина), и многое стало ясным. Его гениальность не совпала с требованиями времени. Впечатление раздвоенное.

7 ноября. В докладе Устинова[78] объявлено, что скоро будем отмечать 75-летие Л.И.Брежнева. Сеть возвеличивающих формулировок.

По телевизору и во вчерашних газетах объявили, что в журнале «Новый мир» опубликованы «Воспоминания»[79].

Стране тяжело, не клеится ни с промышленностью, ни с селом, валится энергетический баланс, провалилась продовольственная программа, на краю краха денежное обращение, а мы сейчас засядем и будем изучать годы детства, первые шаги в рабочих и т. д. и т. п. Зачем это делается? Чем хуже дела, тем больше хочется славы, и, вероятно, действует именно этот закон.

* * *

По телевизору парад и демонстрация из Москвы. Сложно «неутомимым борцам» подниматься по ступенькам мавзолея.

1982

17 января. Перебирал письма, а это толкнуло на поиск экслибрисов, сделанных для меня и Егорушки[80] покойным А.И.Мищенко[81]. Поразительно добрым и отзывчивым человеком остался он в моей памяти. Долго мотался, но нашел вырезанные на линолеуме гравюры. Просит прислать какой-то собиратель из Московской области, т. к. готовится выставка экслибрисов, посвященных М.Лермонтову. Надо бы быстро их оттиснуть и отослать в память о Мищенко.

Говорил с А.Храбровицким[82]. Доволен, что напечатали его статью и он получил поздравление от газеты. Простые шаги изменили настрой человека.

1983

22 января. В.Курдов[83] показал проект бюста Д.Давыдову. Что-то есть, но смущает генеральское обличье, помпезность, нам же нужен поэт, вдохновленный последней любовью, испытавший взлет поэтического дара. Надо еще искать.

9 февраля. Поехали в колхоз «Правда». Интернациональный — и чуваши, и русские, и татары. Но работают дружно. Интересный ДК, библиотека и даже объединение по интересам. Выставка местного филателиста!

9 апреля. Ночью прошел хороший дождь, а утром тепло и солнечно. Ходил по саду у дома. Почки набухли и вот-вот лопнут. Появление первой зелени в такое раннее время — дело редкое. Получается, что весна ранняя, но пока удовлетворительная, спокойная. Страх перед засухой отпал, это оттягивает полевые работы, создает сейчас (если не будет возвратных резких морозов) благоприятные условия для развития и сохранения озимых посевов.

10 апреля. Сегодня пять месяцев со дня смерти Л.И.Брежнева. Кто мог подумать, что за такой короткий срок он исчез, вроде бы его и не было. Даже имя не упоминается. И это делают те, кто громче всех кричал о его величии.

Закон, вероятно, такой: чем больше дутой помпезности, тем скорее забывается ее кумир. Не слава словес, а слава реальных дел красит человека, оставляя его в памяти народа.

29 апреля. В мастерской у Вл. Курдова. Отличный Денис Давыдов. Другой уровень мастерства. Это — не стыдно ставить, и обязательно поставим к 200-летию со дня рождения поэта. Если не помешает ЦК.

2 мая. К 10.00 в музей одной картины. Пенза чиста и нарядна. Дождь освежил и без того молодую свежую зелень. Народу на улицах мало.

Послушали текст к картине Н.Ге «Петр допрашивает царевича Алексея». Едва ли художник думал, что его картина будет пользоваться таким вниманием.

Порудоминский[84] талантливо чувствует законы восприятия и хорошо знает материал. Молодец Л.Веледницкая[85]. Тексты на уровне высокой культуры чтецов.

Трагично всё, как и сама картина, но Ге — апологет Петра I. Мощно звучат мысли о России, ее будущности. Текст получается очень современным. Есть какие-то места, которые заставляют сразу думать и о будущем России, и о роли личности, и о каждом человеке, его отношении к наследству. Здорово!

22 июля.

Около 11-ти выехали в Н.Ломов и Наровчат. Погода хорошая сегодня, но стоят лужи у дороги. Вчерашний дождь дает себя знать — поля молчат.

Устинов встретил на границе. Заехали в Наровчат, пообедали и сразу в Сканов монастырь и пещеры. Красивая здесь Мокша [река]. Сейчас засыпают дорогу, скоро мост построят. Туристам будет раздолье.

На полянке у бугра с пещерами. Нас уже ждут. Сразу беседа о пещерах. Показывают карту. Всё новые и новые ходы. Набралось более 700 метров. Биолокатор. Фанатики. Кроты.

Пошли к пещерам. На четвереньках спустились в один из лазов. Фонари. Впечатление потрясающее. Кельи, келья с «гробиком», даже с туалетом. Впервые смотрю такое. Это не хуже Киево-Печерских.

Уехал в Сканов монастырь, а потом в Наровчат. Музей и бюст А.И.Куприна.

Задумывал, но выдал. Получилось хорошо. Жалко, что мало пока посетителей.

8 августа. М.Лунин — интересно: «Можно на время вовлечь в заблуждение русский ум, но русского народного чувства никто не обманет».

9 августа. При чтении «Памяти» В.Чивилихина пришла в голову странная мысль — одной из особенностей старой России, наиболее ярко проявившей себя, начиная с Ивана Грозного, была терпимость к разного рода вероисповеданиям. Наличие господствующей христианской религии не исключало по соседству и рядом с собой мусульманства, католичества, инородчества в Сибири и т. п. Только на такой веротерпимости могло возникнуть и укрепляться могучее многонациональное государство Русское.

* * *

Клерикальное государство, когда во главе стоят

представители или, вернее, законодатели определенной веры, возможно только на основе фанатизма его граждан. Русскому человеку чужд фанатизм. Он скорее патриот, для него святыня — не вера, а Родина в ее любом обличье. Поэтому клерикализм возможен по необходимости, но он не способен составить «народного чувства» (по Лунину).

29 августа. …В 7-й подъезд[86]. Какой-то душный, зашарпанный зал. Набит битком. Позвали все (в т. ч. и украинские) обкомы. Начали в 10.00. Удивительное дело — рабочее совещание, но до чего же раболепие проникло в клетки и поры партийного актива такого довольно высокого ранга — появляются Горбачев М.С., Капитонов И.В., зав. отделами, ВЦСПС, журналы — все встают и аплодируют! Кому, зачем, что это значит, откуда это в самой партии? Открыл по бумажке М.С.Горбачев. Доклад Е.К.Лигачева на 50 минут. Повторение пространного решения ЦК КПСС об отчетах и выборах, требование отказаться от шаблона, не идти по «наезженной колее». Провозглашают одно, а делают другое, сами не имеют сил выйти из колеи, да и желания, вероятно. Всё как ехало, так и едет. Прения. Р.Дементьева (Москва), Титоренко (Украина), новичок из Ленинграда. Схема старая!

Говорить не о чем, сплошные самоотчеты. И скучно, и противно. Единственное оживление — одни Лигачева «Егор Кузьмич», другие — «Юрий Кузьмич». Каждый раз хохот в зале.

22 сентября. К 9.00 на аэродром. Прилетел А.Ряхов — командующий ПРИВО и член военного совета Г.Громов. Не встречать нельзя.

Сразу в зенитный батальон. Что-то причистили, но бардак. Потом в саперный батальон и депо. Запустение, бараки, воды нет. Страшно становится:

— сколько заморожено без пользы для народного хозяйства техники. Уму непостижимо!

— в каком небрежном состоянии всё это содержится, как низок уровень элементарной дисциплины среди военных. И чем выше, тем хуже, тем ленивее люди.

Всё это ради внешнего. Внутренне же всё это — грабеж народа и государства, обычная бесхозяйственность и нерадение.

29 ноября. Вчера прочел 1-й том Андр. Вознесенского. Конечно, он от бога данным талантом поэт, но с какой-то шапкой набекрень. Чтобы его понять, надо очень вдумчиво читать, а чтобы усвоить, — из стихотворений выбрать жемчужины. Их

рассыпана масса, но скрыто сознательно в словесной шелухе.

1984

21 марта. Говорил с министром культуры Ю.Мелентьевым: — о Денисе Давыдове. Критиковал его, что не ценим свои национальные богатства. Отметили 800-летие какого-то татарина из волжских булгар, а партизана первого русского, героя 1812 г., сподвижника Кутузова, друга Пушкина и многих других выдающихся деятелей начала XIX в., поэта, автора уникальнейших записок, подходит 200-летие, и никто не шевелится. Как это понимать? Сказал, что пометил себе! Ужас!

Мне же — не рискуй с бюстами, могут накрыть. Ответил — если пострадаю, то за любовь к Отечеству.

25 марта. В Доме художника. Посмотрели вместе с Курдовым отличного Дениса. Хорошо получился. Добились того, что искали. Не генерал, не гусар, а русский поэт. Таким его знала Пенза в закатной любви за 5 лет до смерти.

2 апреля. 15.00 встреча с московскими художниками, которые должны решать планировку мемориальных залов Савицкого, Горюшкина-Сорокопудова и Лентулова. Всех эта идея сразу греет. Немного «эстетничал» В.Сазонов. Нам главное — не количество картин, а новое качество их показа. Условились определить залы и начинать думать собирать материалы. Найти бы типа Натальи Кугель[87]. Кто может?

26 июля. В «Советской России» рассказ о Рябове — внуке героя русско-японской войны, погребенного с почестями в Лебедевке. Хороший повод зацепиться и что-то полезное сделать для нашего земляка, явившего собой пример героизма. Надо встретиться с внуком и подумать, что и как?

27 июля. Странное дело, но приходится лишь поражаться тому, как небрежно и неряшливо, если не сказать больше, мы относимся к своему прошлому, к славным сынам своего русского народа. Сегодня — 200 лет со дня рождения Дениса Давыдова. «Правда» ограничилась вчерашней заметкой о нашем бюсте, сегодня же — ни слова, все остальные газеты — какие-то почеркушки. Вещественным вкладом — только наш, опять единственный в стране, бюст В.Курдова. Он — во всех газетах.

1985

13 января. Хороший шаг в культуре мы сделали и внесли свой добрый вклад не только в развитие культуры области, России, но и всей страны. «Коммунист» когда-то писал о «музейном ренессансе», потом эту фразу в «Огоньке» повторил академик Лихачев, теперь без Пензы и ее опыта не мог обойтись в разухабистой статье и Андрей Вознесенский. Это о чем-то говорит и вызывает удовлетворение, что усилия были затрачены не напрасно.

Хорошо бы всё показать Вознесенскому. Хотя в этом есть и подвох — развернет на всю страну, противопоставит другим областям, а в ЦК это не очень любят, относятся часто ревниво. Да еще и найдут, что мы преступаем всякого рода ограничения, запреты, партизаним. Тут надо иметь дело не с таким «распашистым» человеком. Были надежды на В.Солоухина, но они не оправдались, да и, пожалуй, не могли оправдаться. Не того покроя и настроя он.

26 января. К 11.00 в Музей народного творчества. Сегодня — 10-летие со времени открытия музея. Что-то долго собирались умельцы. Народ пожилой, малоподвижный, но фанатично влюбленный в свое дело.

Открыл Ю.Виноградов[88]. Подчеркнул, что инициатором создания музея был я. Рассказал об умельцах. Потом их выступления. Планировали двоих, выступило — 8. Многие из них обязаны своим «рождением» музею. И это приятно.

Я вручил грамоту музею и Роману Кочурину[89]. Как быстро бежит время, а мы его мало бережем. Трудно себе представить Пензу без этого музея, а на месте «чуда» уже привязан был архитекторами детский сад. Дом мог исчезнуть. Страшно. Главное — 38 тыс. чел. за прошлый год приобщились к прекрасному.

Вечером думаю уже капитально засесть за материалы к книге. Надо накапливать, снова делать выписки. Иначе потом не соберешь.

16 февраля. Была Нат. Кугель. Принесла документы по истории пензенского театра в XVIII веке. Оказывается, после Петербурга и Ярославля, в Пензе — третьем городе России, шел спектакль.

Обменялись мнениями по музею театра. Ее пугает, что все восхищаются. Значит, что-то не так сделано. Успокоил ее, что

через 10 лет экспозиция устареет и придется искать новый вариант.

Преувеличивает роль личности в развитии культуры. Отсюда — забота о моем здоровье, страх, что с приходом нового идеолога — всё замрет и рассыплется. Подарил ей книгу.

17 марта. Хорошо сказал протопоп Аввакум: «Смело дерзайте, но не на пользу себе».

* * *

Евреев история обрекла быть космополитами. И это еще заметил киевский князь Владимир, когда определял, какую религию принять на Руси. Как рассказывает «Повесть временных лет», на вопрос «А где земля ваша?» — смутясь, ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши. А землю нашу отдал христианам».

Замечание Владимира: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны? Если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или нам того же хотите?»

Это в 986 году, т. е. 1000 лет назад, а как современно и злободневно звучит фраза Владимира, сколько в ней глубочайшего смысла, передающего несовместимость чужеродных понятий, мыслей, дел.

5 апреля. Беседа с Сазоновым по Музею одной картины. Как с «Шинелью отца» Попкова? Выдал — может и не успеть к 9 мая. Иждивенцы. Отмотал его, Левкова. Нельзя все время ехать на моей шее. Инициатива наказуема. Боюсь, что с моим уходом с работы умрет и Музей одной картины. Кто будет с ним возиться. Стоило отойти на два месяца, как все повисло, и темно.

13 апреля. Вечер дома. Завтра Пасха. Ночью будет у церкви крестный ход. Наплывают картины детства:

— крестные ходы (и летом?) у Коповской церкви;

— мое моление и посещение церкви;

— причастие в голодный 1932/33 год. Скорее, осенью 1932 г.

Эпизоды, а на всю жизнь остались в памяти.

22 сентября. Настроение так отравлено дерганьем, что не хочется идти на работу. Нет вдохновения, хотя оно вроде бы должно возникнуть под мощным потоком призывов к «прорыву» и

т. п. Когда задумывается и декларируется рывок вперед, он может быть основан только на вдохновении кадров, а не на их запугивании. Всех заменить невозможно, никто не приготовил армию кадров, способную по одной команде «повернись!» сразу перестроиться. Надо опираться на то, что имеешь. Выстраивается странная схема: справедливый правитель и хороший народ, промежуток же заполнен людьми, которых или надо убирать, или переделывать. В истории — дело не новое, но подходит ли оно в наших условиях, позволит ли обеспечить «прорыв» — вопрос вопросов.

Беспокоит, что на эту волну настроятся «ушлые» ребята из аппаратов, свежеиспеченные руководители, и не во имя дела, а во имя собственной карьеры, благополучия начнут ходить с дубинкой, размахивая налево и направо. Такое уже идет в Ульяновске, есть намек по Челябинску и т. п.

1986

13 февраля. Поразительная статья в «Правде» — «Очищение». Всякое видал, но такой озлобленности центрального органа партии против кадров партии не помню. Это — разбой и демагогия, рассчитанные на самые дешевые обывательские настроения. Читать противно и работать не хочется. Дождались перемен! Но к лучшему ли они?

15 февраля. Позвонил редактору «Советской культуры» Беляеву А.А. Рассказал о картинной галерее и замысле о трех музеях. Заинтересовало. Говорит, что в номер открытия XXVII съезда КПСС нет ничего существенного, посвященного съезду. Открытие картинной галереи, да с выставкой художников к съезду, да еще и новой, первой в мире формой — включение трех мемориий — это то, что требуется газете. Обещает прислать корреспондента и дать на 25 февраля. Это было бы подарком всем пензенцам, да и делегатам на съезде.

12 апреля. Странная картина в связи с 25-летием полета Гагарина. Даем кинохронику, какие-то кадры, фото, но только один Гагарин. Нет Хрущева, не стало Брежнева, хотя они стояли у истоков этого полета. Оказывается, можно показывать кого угодно, кроме руководителей партии и правительства. Что они — стали врагами?

Из 68 лет нашей истории многие годы выпадают из истории. Это — крайность, опустошающая наше представление о прошлом.

4 мая. Шуму много о перестройке, ускорении. У нас же ускорение фраз, а не дел, перестройка формулировок, а не практических действий. И это трудно объяснить, да и не поймут, пока не уткнутся.

6 мая. Покровскую церковь (хоть одну) надо восстановить и привести в порядок (древнюю часть). Для примера городу.

25 мая. Сын прав, что новое руководство постарается выдвинуть тех, кто лишен скепсиса, а будет беззаветно и безоглядно служить ему, открыв рот от восхищения и удивления результативностью перестройки и ускорения. От нас, много повидавших, ждать восторга трудно. Скорее, нас превратят в оппозицию, реакционеров, консерваторов, которые боятся перестройки, хотят жить по-старому и т. п. Такой поворот

назревает, он неизбежен. Придется же на кого-то валить провалы, которые неизбежны и заложены в той суете и спешке, которая проявляется при разработке стратегии. Агропром — плод непродуманности, а это, собственно, самая знаемая епархия. Идет от самонадеянности. Можно бороться, но нельзя победить. Возраст ушел, силы истощены. Перспективы — выиграть один-два года, а что это даст, сколько надо потратить сил и нервов.

8 июня. Смотрел телевизор. Что ни страна, то драки, убийства, недовольства. Странно устроено человечество — вместо того чтобы пользоваться благами жизни, оно само себе устраивает испытания, льет кровь. Нет страшнее хищника, чем человек. Его прогресс — часто прогресс уничтожения.

9 июня. Все время сверлит мысль, что наши предшественники не были уж такими дураками, создавая монастыри — места, где в молитве и покое человек мог закончить свой жизненный путь. Есть, вероятно, в душе человека какие-то струны, которые постоянно ради игры натягиваются, на каком-то этапе обрываются, и человек чувствует себя опустошенным, обеззвученным. Ему бы не музыку, а тишину, покой.

12 июня. По TV встреча с С.Залыгиным. Интересная. Правда, меньше интеллигентности, чем у Лихачева.

Два положения, которые запомнились:

— в период серьезных потрясений первыми погибают умные!

— понятие «бывший человек» — не отрицательное по характеру, а емкое по психологическому состоянию. Это человек, который быстрее других прошел путь, и он знает, что предстоит пройти другим. Не возрастное! Относится ко мне в полной мере.

13 июня. Интересная мысль: многое, что мною сделано в Пензе, внешне кажется результатом творческого поиска, фантазии, увлеченности, а на самом деле — от желания проявить свои способности в чем-то реальном, конкретном. Удача состоит в том, что всё выдуманное и сделанное оказалось неожиданным не только для Пензы, но и для развития советской культуры, для страны. Отсюда интерес прессы и зависть серости. Инициатива, как ни крути, всегда наказуема. Нет пророков в своем отечестве. Хотя когда-нибудь вспомнят как просветителя и преобразователя культуры Пензенского края. Это придет позже.

Важно, конечно, что изданы две книги, которые останутся в фондах библиотек, да и для новых поколений краеведов пригодятся. Думаю, что такое новое поколение уже растет, оно

очень скоро должно громко заявить о себе, заполнив разрыв в 20 лет между книгами С.Петрова[90] и моими публикациями. Правда, пока не удается преодолеть душевную пустоту и лень, настроиться на настоящую работу, вжиться в материал. Знаю, что надо писать, писать во что бы то ни стало и вопреки любым обстоятельствам. От человека самое дорогое, что остается в памяти потомков, — это книги. Самая великая ценность для будущих поколений — это книги и памятники, музеи и обелиски.

Душа моя спокойна. Я много сделал, чтобы возвеличить Пензенский край, создать чувство уважения к нему во всей стране. Потеряв власть, я потеряю возможность преумножать. Но думаю, что и сделанного хватит для того, чтобы потомки добрым словом когда-нибудь и где-нибудь вспомнили меня, а больше человеку, пожалуй, и не надо. Лишь бы не бесцельно прошли годы, отведенные тебе судьбой.

29 июля. Читал дневники М.Пришвина. Наивен на первом этапе своего развития. Какое-то созерцательное, не воплощенное в человеческих страстях отношение к жизни. Он природный идеалист. И это сказывается на его произведениях — он отличный пейзажист. Правда, станет старше, появятся мудрость и зоркость. Меня потрясло сказанное им почти перед смертью: «Быть русским, любить Россию — это духовное состояние».

Для меня — это путеводная звезда в жизни, хотя осознал довольно поздно. Всё, что делал в Пензе, делал во славу России!

13 сентября. …Звонок по телефону: просит спецкоммутатор. Помощник Агапов Виктор Гаврилович[91]. Вас во вторник приглашает Егор Кузьмич! Когда надо быть? Скорее всего около 6-ти вечера. Условились, что приеду в Москву, позвоню и узнаю точно.

20 сентября. В 10.00 бюро обкома… В 10.30 позвонили, что М.А.Ульянов[92] приехал и у меня в кабинете. Бюро закончилось. Пришел к себе. Сидит за столом заседаний. Одет очень просто, без какого-либо артистического вида.

Беседа о культуре области, вообще о сфере культуры. Я всё более нажимаю, что это не досуг, а воспитание. Он верно считает, что идет деформация. На индийские фильмы в Бековo идут, на наш (план 20 р. в день) — нет, и план не выполняется. Где-то испортили вкусы человека. Нет социологии…

Поехали в Картинную. Понравились музеи. Особенно, естественно, Лентулов, хотя есть хорошая мысль дополнить его окружением — Татлин, Фальк. Собрать всё вместе.

В Музее одной картины. Сидел не шелохнувшись 40 минут. Говорит, что потрясен и ничего подобного в мире не видел…

Откровенный, очень интересный задушевный разговор о положении в театрах Москвы.

21 сентября.…взвешивая фразы, сказанные Лигачевым[93] и Яковлевым[94], общее настроение — ехать в Москву. Не знаю, решали ли в четверг на ПБ [Политбюро ЦК КПСС] (не было Воротникова[95]), но вопрос обговорен с М.С.Горбачевым и предрешен на секретариате ЦК КПСС после беседы со мной 17 сентября.

Лигачев до секретариата просто сказал: «Будем брать в Москву». Яковлев, получив мнение Лигачева и секретариата ЦК, более определенно — на министра культуры РСФСР. Фонд — в запасе.

24 сентября. Приглашал Попова Е.С. и Полетаеву — зав. облбиблиотекой. Поручил посмотреть дом В.О.Ключевского под библиотеку-читальню его имени. И память увековечим, и дело доброе для города сделаем. Надо хоть какие-то заделы оставить потомкам и преемникам.

6 октября. Читал Гумилева. Хоть и эсер, но поэт «божий дар». Так из него и льется образность. Его со всякими […] не спутаешь. Почему-то крутится в голове фраза Ахматовой, точно и образно передающая страдания тех, кого тронули 1937–1938 гг.

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

Это — настоящая поэзия, полная смысла и образности. Теперь реабилитировали ее мужа — Гумилева, расстрелянного в 1921 г. как эсера. Разговор о нем с А.Н.Яковлевым. Посмотрел стихи — талантливые. А сколько лет держали в «запрете».

20 октября. В Москве от Ключевского ничего не осталось. Всё снесли. В России два памятника историкам — Карамзину и Грекову[96]. Музеев нет вообще. Если нам удастся, первый в стране музей историка с читальней.

21 октября. «При крепостном праве мы были холопами чужой воли; получив волю размышлять, мы стали холопами

чужой мысли» (В.О.Ключевский).

1 ноября. К 9.00 приехал в ЦК к Ю.П.Воронову. Они кое-как разделались со съездом ВТО, который все-таки переименовали в I съезд деятелей театра, как хотел О.Ефремов.

Нет сил, которые противостояли бы интеллигенции. А ее сила — не всегда созидательна и гуманистична, ибо часто за внешним — простая групповщина, личные пристрастия и эгоизм. Найти и определить точную грань сложно. М.Ульянов стал председателем. Хорошо, что есть с ним контакт.

В ЦК определено и одобрено на самом верху (Лигачев, Яковлев), что Лихачев станет председателем правления Фонда культуры, я — первым замом, Р.М.[97] членом Президиума, а остальное надо искать и решать…

3 ноября. Состояние внутренней опустошенности из-за неопределенности, которая ожидает меня, если получится то, о чем идет речь. Постоянно точит мысль, что самое страшное — начинать не с чего. Ожиданий и надежд много, но как их осуществить, какими силами, наконец, где — вот что мучит. Выдумки у меня хватит, но как ее реализовать. Что год не будут спрашивать — это не утешение. Надо параллельно и устраиваться и делать интересные дела, чтобы был слышен пульс Фонда культуры. Реклама готова, она будет, нужно вершить дела, а как и кем их вершить? Даже печати, кассира, клочка бумажки, карандаша нет.

Из гостиницы — в Верховный Совет РСФСР. Подписал заключения. Провел слушание по шкурам северных оленей, лосей и кабанов. Подготовил записку и послал в Министерство легкой пр-ти СССР. Уехал в ЦК КПСС. У Юдина. Он подготовил и передал утром записку Ю.Воронову для Лигачева…

Опять банковали по составу Президиума. Есть какие-то варианты, но надо уже решать окончательно. Надо решать то, что назрело, а остальное — потом. Может решиться после конференции.

Зашел в отдел пропаганды. На несколько минут к П.Я.Слезко. Он считает, что всё идет правильно. Поддерживает мою жесткую позицию…

4 ноября. Всё взвесил и решил больше не торопиться и не суетиться. Вопросы поставлены, мою точку зрения знают все вплоть до А.Н.Яковлева и Е.К.Лигачева. Если и дальше буду проявлять активность в борьбе, не имея на него признанного права, может выглядеть нескромно и неуместно. Да и делать из

себя побирушку едва ли имеет смысл. Пусть решают те, кому положено. Не торопился ехать из гостиницы. Вообще почему-то не тянет в этой пустоте заниматься активностью.

Прямо в сектор к Юдину В.И. Всё по конференции крутится, есть списки Совета, правления, выступающих. Я не стал смотреть. Рано мне диктовать условия, не знаю расстановки сил.

17 ноября. Был нар. артист СССР Глузский. Вопросы кино. Доволен Пензой и откровенно потрясен. Условились о контактах в Москве.

«Тянется народ в Фонд культуры. Последняя надежда…»

1987

3 марта. К 11.00 в Отдел строительства ЦК КПСС к т. Мельникову. Рассматривали проект о градостроительстве и архитектуре. Какой-то нудный строительный разговор. Я постарался взорвать обстановку. Кто-то бросил реплику: переспал великий — и уже памятник, ломать нельзя.

Напомнил, что в 1954 г. на совещании в Кремле подобная фраза была произнесена Хрущевым, а закончилась тем, что сейчас требуют судить тех, кто разрушил Москву. Проект непартиен, не учитывает настроений людей, отгорожен от бурлящей действительности.

Повернулись! Мельников поддержал, поняв, что нельзя не учитывать настроения масс.

Угаров[98] потом поздравлял, что «взорвали» проблему, а проект придется писать заново.

10 марта. В Кремле. Съезд архитекторов РСФСР. Избрали в президиум. Сел на первый ряд с Посохиным. Целая «история» в архитектуре Москвы — много напахал, наломал и настроил и будет долго в «памяти» народа носить звание архитектора-разрушителя центра Москвы.

Доклад, да и прения ровные. Мне понравилась мысль, что писатели критикуют архитекторов. А если бы их поставить в положение, когда не разрешается пользоваться глаголами и прилагательными, нельзя обозначать сказуемое, а только подлежащее — что они написали бы?! Благое массовое строительство уничтожило архитектора как личность, как творца и художника. Что делал бы Казаков или Баженов с [железобетонными] блоками?

11 марта. Позвонил Шрамову и просил во всю «Литгазету» махнуть сбор средств на скульптурную композицию Василию Теркину на Смоленщине. Дать это громко и броско. Согласился. Думаю, что пришло время делать событие.

Подписал в ЦК КПСС записку по памятнику Г.К.Жукову в Москве. Будем ждать!

Условились по журналу «Наследие». Надо писать записку в ЦК КПСС.

20 марта. Тревога по Ленинграду. Обрушили гостиницу «Англетер» (Есенин покончил жизнь в № 5). Волнения молодежи. Пикеты. «Урок демократии». Была делегация. Сказал, что ЦК

поставлено в известность и чтобы вели себя благоразумно. Лихачев уехал с расстройства в Комарово. Минкульт молчит. Их не волнует.

21 марта. Позвонил в ЦК Юдину, сказал, что температурю и не могу ехать. По Ленинграду он спокоен. Говорит, что там всё правильно. Но это уже их дело, хотя думаю, что этот роман с продолжением. Пришла новая эпоха, и нам надо учиться жить и действовать в условиях демократии. Сложно проходить эту науку, но придется. Подняв массы, развернув их инициативу, мы уже не сможем, да и надо ли останавливать ее. Процессы будут нарастать. Почему-то область культуры, особенно охраны памятников, стала камнем пробы на демократию. Вольно или невольно. Но мы — организация демократическая. Надо искать свои подходы, свои методы.

Акции по Жукову и Теркину надо готовить. Делать это демократично и солидно. Сначала обсуждать, а потом выносить решение. Каждая акция должна быть выстрадана и обсуждена народом, а не выглядеть чьим-то волевым решением. Только такой подход. Интервью в «Известиях» да и в «Литгазете» надо бы исправить, если успею.

22 марта. Второй день 62-летия…

… Состояние временности. Вообще, чем дальше живешь, чем старше становишься, тем яснее понимаешь временность и недолговечность своего пребывания на земле. Христианство имело перед материализмом преимущества, обещая продолжение. Отвергнув его, материализм уничтожил мечту человека. Пожалуй, самую светлую и радостную мечту, что всё бесконечно. Теперь встал вопрос не только о конечности каждой человеческой жизни, но и возможной конечности вообще человечества. Таким образом, нет будущего. Возможно, не будет и прошлого. Оно исчезнет, и вспомнить дела человеческие, в которые так много вкладывается нервов, энергии, сил, будет некому. Тогда какой вывод? Страшный — вся наша забота, суета бессмысленны! Так далеко можно зайти в раздумьях, отражающих реальное бытие человечества сегодня. Один нажим на кнопку — ни настоящего, ни будущего, ни прошлого. Пустота. Вакуум.

21 августа. Был Никита Михалков. Едет в Италию ставить спектакль по Чехову, а гонорар 130 тыс. лир (12 тыс. долл.) перечисляет нам, но… на Чехова. Обещал подумать. Потом интересный разговор об интеллигентности интеллигента. Он считает, что вопрос неразрешим. Меня понимает, воспринимает

боль, но…

— в России не может быть демократии, если ее понимать как вседозволенность. Не готовы;

— бьются не за творчество, а за жирный кусок пирога;

— новое руководство скинем. Мало что даст, не творчество, а власть их интересует. Хватают всё.

Расцеловались и расстались удовлетворенные беседой.

24 августа. К 17.00 к Питириму[99] (Нечаеву Конст. Влад.). Осмотр резиденции, а потом откровенный разговор по проблемам униатства, старообрядчества, возможных сфер сотрудничества Фонда и церкви. Идеи изданий, производства копий икон, раритетов и т. п. Очень приятный и светский человек…

11 сентября. Утром на работе. Позвонил в Херсон. Говорил с 1-м секретарем. Он вчера видел в программе «Время» Фальц-Фейна. Просил его совершить подвиг — заменить керамическую плитку на мраморную или гранитную плиту. Не знаю, сумеют ли сделать. Если сумеют, отлично. Я готов отдать любую цену. Найдут ли плиту[100].

1988

13 февраля. С Михаилом уехали к И.С.Глазунову в Калашный переулок, где его квартира и его мастерская. Союз «состоялся» на базе отсылки его предложения к Р.М. о создании в бывшем здании Вхутемаса на Кировской Российской академии художеств. Он уже назначен ректором Российского художественного института, но бьется за большее. Осмотр квартиры, наполненной всяким антикварнатом, включая римскую мраморную скульптуру чуть ли ни Августа. Камин. Картины. Богатейшая библиотека. Сразу начался разговор. Довольно интересный. Мне он не показался таким «простаком», каким иногда его представляют противники. Много читал, думал, знает русскую историю и внутренне яростно ненавидит тех, кто противостоит ей. Его можно понять. Кто-то сосчитал, что при нормальном развитии русских должно быть уже около 500 млн. чел., а имеем — десятую часть. Костерит всех и вся. Версия об убийстве Есенина и Маяковского, проблема норманн, Велесова книга. Разговор о Л.Толстом с участием его проректора:

— боялся смерти;

— сам себя сознавал «великим».

Отсюда многие конфликты Толстого.

В мастерской. Иконы потрясающие. Русская утварь. Осмотр картины «Мистерия XX века». Грозная, очень тревожная. Мне понравилось, что Ленин стоит над всем. Сталин в гробу. Хрущев балансирует на ракете.

Рвется ее показать. Но где и как?

Совет — стать солидней, не расплескивать себя в мелочах, не давать повод. Решить первую задачу, а потом идти дальше. Может, что-то и получится, хотя верится с трудом.

31 мая. …Да и эти почти два года такое ежедневное напряжение. Такая нервная тряска, что ничего доброго это не даст, а инфарктом может легко закончиться. А посмотрел кругом — больной, кому ты тут нужен. Москва — это откровенная жуткая человеческая черствость, эгоизм высшей марки, равнодушие, облаченное в какое-то откровенное достоинство. Тут не скажешь: человек человеку друг и брат. Враг, завистник, подлипала. Всё, что угодно, из разряда самых мерзких и отвратительных определений, кроме чувства братства и единства. Как я был прав, когда свысока смотрел в Пензе на всякого рода зам. министров, деятелей культуры, величие которых в Москве исчезает при первом приближении.

Забрал Д.С. и З.А. [Лихачевых] и к гостинице «Академическая». Старик посвежел, загорел на даче и чувствует себя хорошо. Мучается мыслями планетарными — какой-то концерт во всем мире с дирижером из Вены и мегаполис между Москвой и Ленинградом.

Саваоф. За облаками.

Оставил в гостинице, а сам поехал на Донской монастырь. Давно не был, а здесь мое первое приобщение к древней истории. Пришел в ужас от развала и запустения. Всё поросло крапивой и чертополохом. А это — древнейшее кладбище Москвы. Побывал на могиле Чаадаева, нашел — И.М.Долгорукого[101]. Это мой земляк!

Надо что-то делать с этим объектом, хотя — создали Попечительский совет.

1 июня. Из дома уехал в Манеж. Опять заседает жюри по памятнику Победы. Сегодня, вроде бы, итоги голосования, хотя все понимают, что голосовать не за что. Нет ни одного проекта и близко подходящего к образу Памятника. Определилось место — Поклонная гора. Больше же ничего. Коржев и Эл. Климов сказали, что не придут, голосовать — не за что. Я на жюри заявил, что мы в тупике, и если отберем 10 и выставим, окажемся просто в глупом положении. Будут плеваться и смеяться над беспомощностью жюри. Продиктовал заявление жюри. Создали редакционную группу. Посоветовал Б.Угарову идти к Зайкову и в ЦК…

…Вынудил Д.С.Лихачева переговорить с Воротниковым по застройке Захарова. Надо спасать. Это дело нашей чести. Посмотрим.

3 июня. В 12.00 приехал В.И.Воротников. Кроме меня, показывать выставку некому. С ним Чехарин и Мелентьев. Прошли всю выставку, обратил внимание на выбранные жюри варианты и сказал, что всё это очень и очень неубедительно. Нет достойного варианта. Со мной согласилась и В.Терешкова.

Изложил свой замысел:

— остаться на Поклонной горе;

— создать рукотворный всем народом курган;

— перенести захоронения полководцев;

— возможно — братскую могилу воинов;

— рассадить парк.

И на этом закончить. Воротников выслушал, но: «Давай, Георг, мудри. Вам поручено, вы и решайте»…

…Разговор с широкой общественностью по созданию

общества «Классика». Понимают, что пока нет реальных подходов. Есть мысли и желание.

Беседовал с коллекционерами. Готовят предложения в ЦК КПСС по закону о коллекциях. Что-то есть…

…С ребятами разговаривал о том, чтобы искать помещение и создавать центр творческой молодежи. Средства поискать в Фонде мира. Замысел хороший.

4 июня. Начал беспокоиться о будущей субботе — выход в прямой эфир на всю страну. Как и что получится. Важно, чтобы не было скучно и тупо.

Енишерлов спокоен. Звонил Лихачеву — он тоже не очень волнуется. Но мне надо думать и думать, создать внутреннюю схему — опору, чтобы внести новые точки. Показать сделанное, выразить нашу неудовлетворенность и открыть перспективы. Всё это — под лозунгом подготовки к XIX партконференции.

Незаметно, но мы меняем тактику. Уже исчезло из оборота слово «ускорение», хотя недавно оно шло на первом месте. Его заменили «гласность» и «демократия». Оказалось, что ускорить ничего пока толком не удалось. Надо бы платить по счетам, а платить нечем. Отсюда две линии:

— критика беспощадная прошлого, доставшегося нам наследства, которое трудно преодолеть. Чем хуже пойдут дела, тем острее будет эта критика, как канал, отводящий неудовлетворенность.

— поиск консерваторов и врагов перестройки. Дело не идет, тогда нужны «рыжие».

Но по борьбе с пьянством не было консерваторов, а приходится отступать, т. к. (и это разумным людям было ясно сразу) не выдерживает экономика да и здравый смысл. Идея провалилась. 5 млрд. руб. потеряла казна, а приобрели спекулянт и самогонщики. Это можно и нужно было предвидеть. Сложно с госзаказом, хозрасчетом. Думаю, что возникнут чрезвычайные сложности с кооперативами.

Есть итожки. Но пока торжествует разрушительная тенденция, и мало себя проявляет созидательная сторона. Даже в тезисах мало созидательного, утвердительного.

7 июня. Из дома уехал в Манеж. Последнее заключительное заседание жюри по памятнику Победы. Настроение тягостное. Чувствуешь, что делаешь своими руками недоброе дело. Нет проекта, нечего выбирать. Пустота. Всё носит характер откровенного формализма и бессмыслицы. Подвели итоги, назвали номера, вскрыли конверты. Хорошо, что нет ни одного из

маститых, блатных. Пошли лишь на поводу у мнения народа, приняв клыковский вариант. Остальные — люди малоизвестные. Большинство из Москвы, но есть и из Бреста, Еревана, Ленинграда. Много молодых. Беда же вся в том, что современной программы, чего же мы ждем от памятника, нет.

Когда Угаров внес предложение еще отметить дипломами 15 проектов, я откровенно возмутился. И возмущение было понято и принято.

Отредактировал сообщение жюри. Не знаю, пойдет ли оно в печать.

9 июня. Занимался делами аппарата и журнала. Госплан внес предложение валюты не выделять, а поставить Англии свою бумагу. Кошмар! Чего не придумают бюрократы?

12 июня. Мне понравилась в «Юности» статья постаревшего Л.Разгона. Ему в камере хорошо кто-то из русских интеллигентов сказал, что евреи хоть и делали революцию, не сумеют ей в России воспользоваться, т. к. Россия всегда строилась на государственности, что абсолютно чуждо евреям.

С Никитой Михалковым по его выступлению на TV. Похвалил. Рассказал о Госплане и Максвелле[102]. Вместе похохотали. Это — сюжет для острого фильма.

14 июня. Ездил в СМ СССР. Завизировал проект распоряжения по журналу «Наше наследие». В спорных остался вопрос, внесенный Госпланом, о поставке бумаги в Англию! Чепуха, а на ней стоят. Глупо!

В газете реабилитация Зиновьева и Каменева. Остался, пожалуй, один Л.Троцкий. Сложно всё. Если неубедительно судили, то менее убедительно и оправдали. Как быть с партийностью? Куда и как исчезнут оппозиции? Есть попытка доказать, что они выступали не против партии, а против Сталина. А не подтасовка ли это понятий?

Смотрел «Огонек», некоторые газеты — одна и та же линия «огонь по верхам», «долой бюрократов». Что-то отдает китайским вариантом культурной революции. Правда, пока словесно. Но кто знает, куда и как пойдут процессы. Они мне кажутся мало управляемыми и регулируемыми. Маховик раскручивается.

Принял группу фанатиков по Сканову монастырю. Какой-то бред. Восстановление ими самими, москвичами, монастырского хозяйства?

Беседа с американцами. Пытаются найти контакты в рамках Сороса. Думаю, что это не те ребята. Не дал согласия, да и они

ничего конкретного пока не ищут.

На выходе с Бурковым и Шукшиной о 60-летии Шукшина. Выдал идею народного дома. Загорелись. Оставил их думать. Надо поддержать крупно Шукшина. Тянется народ в Фонд культуры. Последняя надежда.

15 июня. Погода изменилась. Жара ушла, и небо раскрылось живительным дождем. Москвичам это не очень нравится, а я представляю себе ликование хлеборобов, растящих хлеб для той же Москвы. Говорил с Верой[103]. В Пензе проливной дождь. Это может хоть как-то спасти положение, поправить засыхающие хлеба.

Из дома уехал в ЦК КПСС. Совещание (еще одно) по поручению М.С.Горбачева о вывозе ценностей за границу. Зам. зав. отделом адм. органов начал жать, что все коллекционеры — мошенники. Это уже не тот дух. Выступил и сказал, что решение надо искать не в запретительстве, а, наоборот, в бóльшей демократизации. Гарант демократии — общество коллекционеров при Советском фонде культуры. Надо не допускать до границы. Законов же, чтобы ворваться в квартиру и описать коллекцию, теперь не примешь. Не то время. Путали, путали. Решили создать рабочую группу по подготовке предложений.

16 июня. Какие-то звонки, текущие дела аппарата. Бумаги.

Приехал Д.С.Лихачев. С каким-то конспектом. Появились Бондарев и Проскурин, Угаров, Фалин, Попов[104]. Без всякого сопровождения (что-то новое!) Р.М. Зашла ко мне в кабинет.

Первым Д.С.Лихачев. Немного субъективен, об успехах — только журнал и архивы, добытые В.Енишерловым. Недостатки — туманные, заоблачные. Факсимильные издания, достоинство нации, медлительность в решении об-ва «Классика», падение репутации.

Следующая Р.М. [Горбачева]. Очень деловито и собрано. Начала, что мы условились с Г.В. провести такой президиум, чтобы рассмотреть накопившиеся вопросы. Много сделано, но как превратиться в общенародное, как завоевать признание всего народа. Мало акций, связанных с перестройкой.

Мои мысли — о построении при отсутствии энтузиазма и подвижников. Правильное замечание об уклоне в международную деятельность. Сомнения по Соросу. Его интервью.

Проскурин о жюри и травле русских писателей. Поддержал Ю.Бондарев. Олейник о делах Украинского фонда. Неплохо Зайцев Е.В., интересно Фалин. Еще раз Лихачев.

17 июня. Был Скатов — директор Пушкинского Дома. Мучается с оборудованием противопожарным. Оказывается, стоит около 10 тыс. долл. Сказал, чтобы готовил предложения-просьбы, и мы решим эту проблему.

С Енишерловым по делам журнала. Д.С.Лихачев утром у Рыжкова Н.И. Сунул ему бумагу, чтобы подписать решение о выделении валюты.

Видно, сработало. После обеда звонок из СМ СССР, что в 18.00 приглашает Талызин Н.В.

Правда, у меня собрание партийное, но судьба журнала куда важнее. К 18.00 в Кремль. Талызин встретился в коридоре. Пока никого нет. Зашел один, чтобы рассказать. Матерится. Недоволен, что тянут деньги из казны. Успел сосчитать, что у меня есть своих 160 тыс.

Затяжной и нудный разговор

— своих не дам, т. к. решает Президиум.

— помогу на 450 тыс. ф. ст. Оборудованием.

— 480 тыс. уже есть. Надо еще на два года.

— мутузили-мутузили, но решили быстро делать бумагу, чтобы завтра в 14.00 Н.И.Рыжков ее подписал. Нервов много, жмутся, но куда деться.

31 августа. Обстановка довольно сложная и я бы сказал — неопределенная. К сожалению, ни XIX конференция, ни июльский пленум ЦК не внесли сколько-нибудь определенной ясности и конкретности в главный вопрос, поставленный перестройкой, — куда и каким путем идти, формы и методы решения проблем экономики, развития сельского хозяйства и других отраслей, составляющих базис общественного развития. Все бои идут на надстроечном уровне и носят скорее эмоциональный, чем практический характер. Может, образ Ю.Бондарева насчет самолета, который взлетел и не знает, на какую посадочную площадку приземляться, и суров, но не так далек от истины, как кажется наиболее рьяным агитаторам перестройки (Бакланов, Боровик, Федоров и т. п.).

1) Пока перестройка носит откровенный характер слома всего, что десятилетиями служило обществу. Но ломать не делать. Энергия же уходит именно на это.

2) Программы созидания получаются скоропалительными и не очень взвешенными. Ударяют по результатам.

— Борьба с алкоголизмом унесла 36 млрд. руб. из бюджета, сорвала снабжение сахаром, ухудшила кондитерское дело, озлобила народ. Родился самогон.

— Внедрение кооперативов — поощрение хищников. Не

производят, а берут из общего котла и обогащаются. Чем больше кооперативов, тем меньше в магазинах. Озлобление народа от грабежа за счет цен.

— Развитие гласности и ограничение подписки.

— Агропром и признание уже его ненужным.

— Огонь по штабам. Старая система бюрократическая, а новой нет.

3) Раздувая демократию, создаем силу, которая обрушится не только на прошлое, но и настоящее. Будут судить по результатам. Достичь единовластия, а путь отрезали сами себе.

4 сентября. Смотрел газеты. В «Московской правде» почти на полосу «Сталинизм: истоки и рецидивы». Странное впечатление — выступают историки, профессора и доктора, за «круглым столом», а разговор по содержанию — дилетантский. Вместо серьезного анализа, унижение, передергивание, охаивание всего и вся с позиций злорадства и издевательства. Такое впечатление, что дорвались и упражняются безнаказанно.

«…Был властный, у него, несомненно, была сила воли, был ум, но не глубокий, мудрости у него не было. Хитрый, но хитрость тоже ограниченная». Если у Хрущева хитрость районного масштаба, у Сталина — областного. Когда о войне, то, ссылаясь на какие-то записи беседы с Жуковым: «Сталин — штафирка», а «Решения Сталина в военных вопросах младенческие»!..

При такой характеристике ничего понять невозможно. Дело, а это важно, — не в нем, а в оценке целой исторической эпохи. Можно критиковать Сталина, но лишать народ истории, превращать подвиг народа в бессмыслицу — преступление перед многими поколениями, ушедшими и приходящими на смену.

Рассматриваются (более мягко) и культы Хрущева и Брежнева. Всё не на анализе, а на эмоциях.

Получается, не история государства и партии, а сеть культов. Но если один культ сменяет другой, то это порождение системы, а не личности. Нужен глубокий марксистский анализ истоков, а не последствий.

Мама говорила, что я маленьким в Коповке любил ходить в церковь и молиться. Есть что-то. Может, старость — это не только опыт, но и отражение в зеркале детства?

9 сентября. Всю ночь мотался. Даже снотворные не дают успокоения. Нервные нагрузки на пределе возможного.

* * *

Ночью читал «Библию». От Марка, гл. 24. «Если царство разделится само в себе; не может устоять царство то».

11 сентября. Еще вчера звонил О.Комов[105], но решили не портить воскресенье. Он хочет лепить меня. Не знаю…

Высказал ему мысль о Пензе в ответ на его: «В Пензе Лермонтова надо делать в погонах». А почему бы его не поставить там в 12-летнем возрасте и попробовать угадать в его облике будущего великого поэта России. Комов зажегся и просил меня пока никому не говорить. Боится, что украдут идею, которую считает гениальной. Для Пензы — это здорово! Да и в Москве можно было поставить свое, московское, даже возрастное. Было бы интереснее.

Вообще надо сказать, что Москве с памятниками просто не везет. Наставлено столько откровенного дерьма (включая и комовского Суворова), что диву даешься безвкусице руководителей города.

19 сентября. Был писатель Владимир Санги. Позвал его в связи с выступлением в «Советской России» по народам Севера. Это, действительно, тяжелая проблема. Нельзя лишать людей среды обитания. Много наглупили. Объявили и в тундре «неперспективные» села, свезли в райцентры, а жить они не могут, да и от мест промысла 200–300 км. Нет оборудования. Губит спирт. Постановления СМ РСФСР не выполняются. Предложил войти в состав Совета по малым народам. Условились:

1) ассоциация культуры народов Севера;
2) предложения по экономике;
3) может, поездка на Аляску. Не изобретать.

21 сентября. Нервный и напряженный день. Предстоит вести президиум с участием Р.М. и при отсутствии Д.С.Лихачева, который является громоотводом. Его щадят.

На работе. В кабинете не курю. В отличие от прошлого президиума опять появились 5 ребят…

… Приехали Попов, Олейник, Проскурин. Бондарев так и не появился. Готовит на завтра «Слово о Толстом». Она [Горбачева] около 11-ти. Жалуется, что простужена. В шерстяной кофте.

Начал спокойно. Удивительно, но Р.М. прочитала все материалы, на листах пометки и записи. Может и согласовано. Кто знает, как там всё делается…

Р.М. довольно активна и готова по всем вопросам:

— по Гродно и Челябинску. Надо идти в массы;

— по повестке Правления «О роли Фонда»;

— по рукописи «Отцы и дети». Денег нет. Пусть Г.В. проработает возможность обмена;

— завалила премию журналу «Наше наследие», зачитав вслух хвалебный текст о «подвиге» журналистов;

— восстала против дня Фонда культуры, считая, что это нескромно (не от нее, думаю);

— одобрила по культуре малых народов;

— поддержала по библиотечному делу, но вместе с Минкультом СССР. Подлил и Попов;

— проскочили по аукциону «Кристи».

7 октября.

Прилетела делегация из Лондона. Коротко Енишерлов, потом подробнее А.Мельников[106]. Поездка удачная:

— договорились с фирмой «Кристи»;

— проиграли Репина, но купили скатерть;

— привезли от Фальц-Фейна Маковского;

— сэр Филипп[107] обещал рукопись. Трепетно и страшно, если потеряем.

Кейпон[108] приступил к делу. Вмешиваться не надо. Позвонил Л.М.Замятину — послу СССР в Великобритании. Рассказал о некоторых делах. Оживленно воспринимал. Когда же попросил его не вмешиваться в дела о рукописи, обиделся. Воспринял как устранение его. А зря! Дело тонкое.

8 октября. Вообще какое-то нравственное и физическое ощущение старости. Гнетет, постоянно сидит в мозгу, не позволяя задумывать надолго, строить большие планы. Все-таки жизнь пролетает быстро.

Разговорились вчера о культе личности. Оказывается, и у меня есть свои счеты:

— расстрелян Василий — брат бабушки в Бахчисарае [священник];

— сгинули в 30-е годы Владимир, Степан и Валерьян [священники];

— я с мамой перенес ужас голода 1932–1933 гг.;

— угроза ареста в 1952-м году.

Да, есть свой персональный счет. Но весь вопрос — одному ли человеку оплачивать его исторически? Думаю, что нет. Он — персонификация многого из того, что было заложено в само основание строя.

Если исследовать историю, то надо внимательно рассмотреть всё от истоков. И тут есть вопросы:

— разногласия с меньшевиками. Обвинения в бланкизме;
— почему Г.Плеханов не принял Октябрьской революции;
— разгон Учредительного собрания;
— отказ от многопартийного правительства. Однопартийность по Ленину — принципиальная основа;
— красный террор. Выступление левых эсеров;
— сотрудничество с Л.Троцким;
— выдвижение И.Сталина на роль Генсека;
— завещание, в котором ни одного доброго слова ни об одном из соратников.

10 октября. Был Енишерлов, Чуковский, Мельников по аукциону «Кристи». Полезное пребывание внесло оживление и насторожило «жучков» руссики, которая иногда, кажется, поступает и через дипломатов. Тут дело серьезное.

Привезли от Фальц-Фейна картину В.Маковского «Торг» и сами купили скатерть с подписями актеров МХАТ и других. Пришла посылка за 10 тыс. долларов с автографами Бунина, Куприна, Северянина, Ремизова, Эренбурга из Парижа.

27 октября. Постоянно думаю, кто же выступает социальной опорой перестройки? Партию объявили общественной организацией, комсомол «министерством молодежи», рабочий класс — у него свои проблемы, его пытаются заполнить «кооперативами», крестьянство — арендный подряд, фермерство. «Всё смешалось в доме Облонских». Неужели можно всерьез рассчитывать на громко кричащих интеллигентов… Где же сила перестройки? Только в речах и призывах сверху. Но этого мало. Сила — в общенародной поддержке, а ее не чувствуется, т. к. практически народу она мало что дает, да нет просвета, путеводной звезды. Оплевывается прошлое, ликвидируем последнюю веру.

5 ноября. В разговоре со мной Родион Щедрин[109] глубокомысленно сказал, что у страны последняя возможность. Я согласился, но подумал: созидания или разрушения? Вот где вопрос.

19 ноября. Многие дела и особенно выступления прессы создают впечатление, что мы активно приступили к сооружению пьедестала памятника очередной благоглупости.

Если резче: моя жизнь пришлась на зарождение, расцвет и увядание творения, ради которого пролито столько крови лучших умов России.

Власть государства над народом означала единство, власть же народа, выражаемая крикливыми группами всякого рода конъюнктурщиков от перестройки, разъединяет народ. События в Эстонии, Армении и т. п. — грозные признаки неблагополучия в системе управления.

20 ноября. Государство — это всегда власть, система управления народом. Весь вопрос, на какие силы и слои опирается эта власть, Как ни странно, но опыт показывает, что только сильная, сосредоточенная, целеустремленная власть способна обеспечить устойчивость государственной системы. Попытки управлять властью нередко приводили и могут привести к неустойчивости государственной системы.

27 декабря. Президиум по выдвижению кандидатов в депутаты[110]. Доложил. Назвал Лихачева. Он — о своих. Кого видит, того и называет. Встали другие. В один момент на основе «демократии» накидали 16 человек на 5 мест. Не получилось.

Я предложил или одного Лихачева, или собираться еще раз и рассмотреть более обстоятельно. Свою кандидатуру снял.

Важно главное — Р.М. свою кандидатуру сняла. Это делает ей честь и вносит ясность. По телефону дважды говорил — молчала: «это частный разговор». Видимо, шли советы, раздумья.

Приехала больная [Горбачева], но приехала. Заинтересована. Обсуждали Дм. Покровского[111] — всё прошло. Опять сыр-бор вокруг «Мира культуры». Самвелян[112] объяснял, просил Д.С.Лихачев, но непреклонна. У нее своя точка зрения. Ее и диктует.

Чем дальше, тем больше проскальзывает за внешне ласковыми словами стремление к диктату, непримиримость к чужой точке зрения. Мне показалось, что она повсюду ездит не потому, что он хочет, а просто не может отказать. Видно, в семье — она ведущая. Он — ведомый. А это для политического деятеля такого масштаба сложно и опасно. Когда-то это обернется не только против нее, но и прежде всего против него. Народ это не приемлет, и найдется форма, когда скажут откровенно.

Только около 4-х проводил до подъезда. Какой-то на этот раз сложный осадок в душе.

Со всеми разговаривает, всех выслушивает, не торопится, хотя говорит, что плохо себя чувствует. Хомут я одел сложный. Капризный старик и волевая женщина. Как вертеться в этом пространстве?

1992

Жалею, что все эти годы после Пензы не вел дневников. От работы в Фонде культуры остались лишь общие впечатления, а многие детали, особенно раскладка их по времени, исчезли, затерялись в памяти.

Теперь же, когда освободился от этой тяжелой ноши, едва ли удастся восстановить всё. Придется обходиться лишь общими впечатлениями. Да и часть уничтожил в «смутное время».

А может, и хорошо, что не вел подробных записей. Кто знает, как обернется наша жизнь, какие коленца она выбросит.

Думаю, что пока это не ежедневный дневник, а просто записи для себя в дни, когда появляются какие-то мысли, воспоминания.

Сейчас важно разложить сам процесс ухода из Фонда, его детали.

27 января. Утром поступил телекс из Ленинграда от Лихачева с распоряжением, смысл которого сводится к тому, что схема аппарата, которую он одобрил, не годится, нет концепции Фонда, а посему Президиум собирать 31-го не следует. Он создает комиссию во главе с Плотниковым[113], персональный состав одобрит сам и поручает ей в 2-х недельный срок выработать концепцию и подготовить предложения по структуре аппарата. А пока всё оставить на месте, никого не увольнять и не принимать на работу, а зарплату повысить. Это — главный смысл, плюс еще полторы страницы всяких мелких дел, вплоть до поручения Нерознаку и Г.П.Ратниковой[114] выработать концепцию молодежной организации и уже готовить съезд энтузиастов молодежного движения, на котором принять декларацию о замене комсомола и пионерии каким-то движением, которое придумает Лихачев. Чушь какая-то. Но сказывается его страсть к администрированию. Думаю, что в нем пропал, не состоялся администратор тогда, когда не назначили директором Пушкинского Дома, оставив всего-навсего зав. сектором. Теперь на старости лет он расписался, и внешне это звучит убедительно, а внутренне для академика мелочь и пустота.

Распоряжение выбило из колеи. Дальше так продолжаться не может…

…Вопрос поставлен, на него надо искать ответ. И ответ не простой. Обычным молчанием, внутренней скидкой на возраст академика не обойдешься, да и надо ли. Сколько всё может продолжаться?

Отменил планерку, позвал Карпухина и Новожилова[115], показал распоряжение и сказал, что дальше терпеть этого не могу. Наступил предел!

Мне стыдно смотреть в глаза аппарату, который вот уже два месяца не знает своей судьбы.

29 января. Встречался с приехавшим из Ленинграда Леонидом Матвеевичем Ариншейном[116]. Познакомил его с последним распоряжением академика. Он поражен, но считает, что академик «отходчив», и если сейчас «перетерпеть», то он его убедит в неправомерности такого подхода к делу.

Что касается концепции, то она давно заложена в Уставе, над которым работали два месяца только в прошлом году. Тут выдумывать ничего не надо

Главный вывод — ваш уход будет означать конец Фонда. Фонд рухнет, ибо никакой Нерознак, не пользующийся никаким доверием в научных кругах, ничего путного не даст. Быстро все проедят и разбегутся. Мне интересы Фонда понятны, но кто и как будет считаться с моими интересами. Нельзя жить под тяжким прессом.

А суть «пресса» состоит в том, что с самого зарождения Фонда действовало три тенденции, три вероятных направления его развития:

1) Быть придворным, обслуживать интересы семьи сначала Генсека, а потом и Президента страны.

2) Быть академическим, обслуживать научные и личные интересы академика Д.С.Лихачева, его камарильи, которая быстро набилась в Президиум Фонда…

3) Быть общенародным, обслуживать интересы областей, краев, республик, решать конкретные задачи развития культуры на местах.

Борьба этих течений и составляет историю становления и развития Советского фонда культуры. Может, потом исследователи скажут, что получилось на самом деле. Мне же по горячим следам кажется, что эта борьба истощила Фонд, забрала его силы, а когда дело подходит к итогам, то они плачевны — Фонда, как мощной общественной структуры, не состоялось. Много нового, интересного внес Фонд как зачинатель и первооткрыватель дел (благотворительность, попечительство, меценатство, аукционы, личные коллекции, дары и т. п.), но все быстро тиражируется, затирается, становится будничным и обычным. Каждый день находить новое невозможно. К кропотливой работе мы не приучены. Да и вообще Фонд без акций громкого звучания жить не может, а чтобы были акции,

надо много сил и труда положить. На это многие «академики» просто не способны.

30 января. …Я не считаю дальше возможным оставаться в Фонде, принимать участие в его работе и подаю в отставку. Третьего не дано!

Попросил поручить С.Шмидту[117] сегодня же информировать об этом Лихачева и завтра находить решение. Мне всё это порядком надоело, тошнит от всякого рода схем, да и стыдно смотреть аппарату в глаза.

На том и порешили.

Доволен, что инициатива сохранилась за мной. Как-то легче от сознания того, что тяжелый груз, который давит плечи пять лет, можно сбросить. Может, даже чуть опоздал, а может, и как раз.

Тут есть один подвох: я всегда думал и боялся, что инициативу проявит Д.С.Лихачев. То, что мы не симпатизируем друг другу, и ему, и мне ясно давно. Раскол начался после опубликования им в газете «Известия» заметки «Как бы не стать нам обкомом культуры». Он вылил на всех нас, особенно на меня, ведро грязи. Хотя подлинной подоплекой был факт, что его не берут в поездки М.С.Горбачева за рубеж. С какой обидой на Р.М. он мне говорил несколько раз. Я, естественно, информировал автора обиды. Пришлось надавить и убедить, что его надо брать в Америку. Всё было решено в последний момент, а посему он полетел в Америку, а статья о Фонде уже была сдана в «Известия». Более того, зная о возможности ее появления, академик в самолете начал писать заметки о концепции Фонда и методах организации его работы.

Вернулся из Америки, а статья только что вышла. Произвела шоковое впечатление на многих, но прежде всего на Р.М. Трудно передать ее возмущение тоном, характером статьи. Ни одного доброго слова о Фонде. Так нельзя!

Это ударило и по престижу семьи Президента. Долго собирались обсуждать, но так и не состоялось настоящего разговора. По Фонду нашему, да и по всем фондам был нанесен страшный удар, последствия которого сказываются и сейчас, будут сказываться и дальше.

Мне понравилась в этой борьбе Раиса Максимовна Горбачева. Ее две реплики:

— когда речь зашла о средствах, полученных на лотерее, он [Лихачев] заявил, что был лично у Н.И.Рыжкова и тот ему выделил деньги и только он несет материальную ответственность за их расход.

Она: а я считала, что деньги выделили всем нам, и мы все несем ответственность за дела Фонда.

— начал толковать, что ему лично очень тревожно за имидж Фонда, его авторитет.

Она: это тревожит всех и, когда появляются личные статьи в «Известиях», становится непонятным, кем и зачем создан Фонд, какую роль в нем играет Президиум.

6 февраля. Была Н.И.Катаева-Лыткина[118] — хранительница квартиры М.Цветаевой. Человек она мужественный, настойчивый, и сделали мы великое дело, что сохранили, а теперь и на средства Фонда восстановили дом Цветаевой. Она благодарна и сожалеет, что наше сотрудничество прекращается. Верит, что я буду постоянным гостем дома. Блажен, кто верует!

Приходится лишь сожалеть, что Фонд содержания центра не выдержит. Надо много средств. Хорошо, что взяли на себя, но плохо, что отказались от участия государства. Может потом обернуться бедой. Правда, об этом я пока промолчал. Пусть открывают. Там видно будет.

14 февраля. Последний день в этой должности в Фонде культуры. Когда вздыхают, говорю, что «всё имеет свое начало и свой конец»…

…Трудно сейчас сказать, жалею или не жалею, что ввязался в это дело. Сложно всё. Многое при начале казалось более ясным, чем в конце. Первый год, когда речь заходила о замыслах и задачах, я по три часа толковал о том, что такое Фонд и что он может. Теперь же я не нахожу и 20-ти минут, чтобы убедительно сказать, что же сделано, хотя сделано немало. Всё дело, видимо, в том, что в области привык к реально осязаемым результатам, а здесь много общего, вздыхательного. Мало же конкретики…

…Как ни страшно признаваться, но так и не нашли ту нишу в культуре, которую мог бы собою, своими делами заполнить Фонд. То же краеведение — наша забота, но мало реального, ощутимого, значимого. Сказывается у ученых академический подход — провели конференцию, значит, сделали дело. Много эпизодического, случайного.

И, наконец, самое страшное — первое время мы жили на доброй поддержке партийных органов. Ликвидация партии привела к потере этой мощной опоры. Никаким советам, администрациям, уполномоченным Президента РСФСР мы просто не нужны. У них не только до Фонда, но и вообще до культуры руки не доходят и в ближайшие годы едва ли дойдут. Как ни вякает Нерознак, что мы теперь отказались от «государственного

покровительства», но это беда для Фонда. Раньше письма мешками, теперь 2–3 в неделю. Упал интерес. Да и иностранцы уже не просятся на прием и не добиваются всяких интервью, которых не делали, но попытки были постоянные.

Откол Р.М.Горбачевой, по ее инициативе, болезненно сказался на делах Фонда. Хотя теперь, когда ими утрачена власть, другого и быть не могло. Ушла она вовремя[119].

Вот такие мысли одолевают в этот последний день. Телефоны молчат, посетителей в приемной нет. Спала горячка. Наступил покой, тишина. Очистил все ящики стола, закрутил сейф, отдал ключи и книжки от «вертушки».

…Хотели в 11.00, но что-то задержались с цветами. Собрались в Дубовом зале…

Я заключил:

— Не надо грусти. Пусть молодые приходят и продолжают начатое дело. Когда-то надо уступать дорогу.

— Мне эти годы полезны. Вернулся через 25 лет в иную Москву. Много дало общение с интеллигенцией. Она не так смотрится издалека, как вблизи. Понимание истинной цены интеллигенции очень важно.

Пожелал всем работникам успеха в делах.

Всё закончилось, гора с плеч.

…Конечно, сил вложено немало…

Делал всё, чтобы сохранить престиж Фонда, подтвердить это не словами, а делами.

Сложностей была масса, и они диктовались не столько сложностью дел, сколько сложностью этих двух характеров, а в последнее время еще и противоборством их, подозрительностью старика, что я противопоставляю его, неправильно у нее создаю о нем впечатление.

Разговоры с ним всегда были не очень приятными, но терпимыми. Разговоры же с ней по телефону (а это 30–40 мин.) заканчивались чаще всего желанием выпить литр молока за вредность. И голоса не повышала, и вроде всё внешне доброжелательно, но постоянно внутренне напряжена, придирчива к каждому слову, мысли. В общем, задача, которую постоянно приходилось решать, как головоломку.

Сегодня рассказал по телефону В.Енишерлов, что вчера Горбачевы были на юбилее «Независимой газеты». Он попался им на самом входе, был ею представлен М.С. как «наш главный редактор журнала». И сразу начался монолог, смысл которого сводился к тому, что Фонд сделал много доброго, но, не выдержав характера, сдался под напором обстоятельств, изменил

себе и как-то предал ее. Монолог длинный, темпераментный, заинтересованный.

Говорит, что публика их встретила тепло и сердечно…

notes

Примечания

1

Нижний Ломов — райцентр в Пензенской области.

2

Г.В.Мясников являлся депутатом VII–XII созывов Верховного Совета РСФСР.

3

Георгий Константинович Жуков (1896–1974) — Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза.

4

Сердобск — райцентр в Пензенской области; А.С.Антонов возглавлял антисоветское выступление крестьян в Тамбовской губернии.

5

Лев Борисович Ермин — 1-й секретарь Пензенского обкома КПСС.

Сессия Верховного Совета РСФСР.

7

Кузнецк — город в Пензенской области.

8

Валентин Ермилович Щербаков — 1-й секретарь райкома КПСС.

9

Рахмановка — село в Вадинском районе Пензенской области.

10

Коповка — село в Вадинском районе Пензенской области, в котором родился Г.В.Мясников.

11

Василий Павлович Мясников — отец Г.В.Мясникова.

12

Матвей Васильевич Захаров (1898–1972) — Маршал Советского Союза.

13

Николай Федорович Васильев — 1-й заместитель председателя СМ РСФСР.

14

Дмитрий Степанович Полянский — член Политбюро ЦК КПСС, 1-й заместитель председателя СМ СССР.

15

Богородицкий Казанский мужской монастырь в Пензенской губернии. Построен в конце XVIII в. В 1780 г. заведена при нем духовная семинария.

16

Церковь Михаила Архангела в с. Симбухово Мокшанского района Пензенской области. Построена в 1780 г.

17

Симеон Полоцкий (1629–1680) — общественный и церковный деятель, писатель. Полемизировал с деятелями раскола.

18

Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) — глава и идеолог русского раскола, протопоп, писатель.

19

Л.И.Брежнев.

Михаил Георгович Мясников — сын Г.В.Мясникова.

21

Памятник А.В.Суворову (1730–1800), великому русскому полководцу в селе Суворово Пензенской области. В XVII веке село называлось Маровка и являлось центром вотчины А.В.Суворова. Домик, в котором останавливался Суворов, не сохранился.

22

Тарханы — с. Лермонтово Белинского района Пензенской области, Государственный Лермонтовский музей-заповедник.

23

Михаил Романович Полесских (1908–1992) — археолог.

24

Валентин Павлович Арзамасцев — литературовед, музейный работник.

25

Музей народного творчества открыт в январе 1975 г. в здании, являющемся памятником деревянного зодчества середины XIX в. В 1992 г. получил статус государственного музея. Пропагандирует работы народных умельцев, сохраняет и возрождает традиции ремесла и промыслы Пензенского края.

26

Виктор Георгиевич Лансков — один из руководителей Пензенского облпотребсоюза.

27

Ираклий Луарсабович Андроников (1908–1990) — известный лермонтовед.

28

Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971) — партийный, государственный деятель.

29

Наровчатский Троицкий Сканов общежительный мужской монастырь основан в середине XVII века. После революции монастырь был закрыт. В 1989 г. комплекс монастыря передали Русской Православной церкви, и он возобновил свою деятельность уже в качестве женского монастыря.

30

Михаил Осипович Устинов — 1-й секретарь райкома КПСС.

31

Анвар Садат — президент Египта.

32

Наровчат — райцентр в Пензенской области; родина А.И.Куприна.

33

Николай Васильевич Кузьмин — известный художник.

34

Александра Михайловна Пистунова — журналист, писатель.

35

Альфред Альфредович Оя (1924–2000) — известный график.

36

Валерий Петрович Сазонов — директор Пензенской картинной галереи им. Савицкого.

37

Екатерина Константиновна Медянцева (1904–2000) — мастер народного искусства. Возродила в области художественный промысел плетения из ржаной соломы.

38

Глиняные игрушки мастера народного искусства Тимофея Никитича Зоткина (1930–1988); навыки лепки получил от деда и отца (с. Абашево Беднодемьяновского района Пензенской области).

39

Семен Семенович Попов — начальник Управления по делам религии Пензенской области.

40

Михаил Константинович Аникушин (1917–1997) — известный скульптор.

41

Виктор Петрович Поляничко — партийный, государственный деятель. Погиб при исполнении служебных обязанностей в 1993 г.

42

Книга Л.И.Брежнева.

43

Краснополье — село в Пензенской области.

44

Тамала — райцентр в Пензенской области.

45

Себастьян-Рок-Никола Шамфор (1740–1794) — французский моралист.

46

Александр Иванович Шибаев (1915–1992) — советский государственный, партийный деятель.

47

Игорь Владимирович Ильинский (1901–1984) — народный артист СССР, в 1920—1930-е гг. работал в театре им. Мейерхольда.

Мария Алексеевна Валентей — внучка В.Э.Мейерхольда, заведующая Музеем-квартирой Вс. Мейерхольда.

49

Георгий Мокеевич Марков — председатель Союза писателей СССР.

50

Цецилия Исааковна Кин — критик, публицист.

51

Михаил Иванович Жаров (1899–1981) — народный артист СССР. Работал в театре им. Мейерхольда.

52

Татьяна Алексеевна Маврина (1902–1996) — известный художник, жена Н.В.Кузьмина.

53

Юрий Александрович Акимов — секретарь Пензенского обкома КПСС по промышленности.

54

Виктор Федорович Огарев — секретарь Пензенского обкома КПСС по сельскому хозяйству.

55

Александр Евгеньевич Щербаков — заместитель председателя Пензенского облисполкома.

Завод хрусталя в г. Никольске Пензенской области.

57

Дубровка — село в Пензенской области.

58

Яков Гаврилович Слицан (1922–1991) — директор производственно-художественных мастерских Пензенского отделения Союза художников РСФСР.

59

Николай Афанасьевич Матвеев — пензенский скульптор.

60

Николай Федорович Филатов (1847–1902) — русский врач, один из основоположников педиатрии в России.

61

Борис Вениаминович Качеровский — пензенский скульптор.

62

Федор Давыдович Кулаков (1918–1978) — член Политбюро ЦК КПСС.

63

Впервые в Европе временный памятник вождю мирового пролетариата был воздвигнут в Пензе на Советской площади в 1918 году на месте собора.

64

«Первопоселенец» — двухметровая бронзовая композиция. Первопоселенец, держащий в одной руке копье, а другой опирающийся на плуг, и его конь — символизирует два начала в судьбе первых жителей Пензы — крестьянский труд и оборону рубежей от набегов кочевников. Скульптор В.Г.Козенюк.

65

Михаил Сергеевич Соломенцев (р.1913) — Председатель Совета министров РСФСР.

Собрание, посвященное 600-летию Куликовской битвы.

67

Иван Васильевич Капитонов (р.1915) — секретарь ЦК КПСС.

68

Евгений Михайлович Тяжельников (р.1928) — зав. Отделом ЦК КПСС.

69

Виктор Васильевич Гришин (р.1914) — 1-й секретарь МГК КПСС.

70

Борис Александрович Рыбаков (р.1908) — историк, академик РАН.

71

Федор Михайлович Куликов — 1-й секретарь Пензенского обкома КПСС.

72

Памятник А.Блоку, открытый в год 100-летия великого поэта. Скульптор Н.А.Матвеев.

73

Колышлей — райцентр в Пензенской области.

Бековo — райцентр в Пензенской области.

«Нива» — санаторий в Пензенской области.

76

Иван Алексеевич Ступишин (1734–1806) — государственный деятель, генерал-поручик. После учреждения Пензенского наместничества стал первым его правителем (1780–1796).

77

Сергей Васильевич Кульнев (1904–1991) — заслуженный врач РСФСР.

78

Дмитрий Федорович Устинов (1908–1984) — член Политбюро ЦК КПСС, Маршал Советского Союза.

Книга Л.И.Брежнева.

Георг Михайлович Мясников — внук Г.В.Мясникова.

81

А.И.Мищенко — советский график.

А.В.Храбровицкий — советский литературовед.

83

Владимир Георгиевич Курдов — пензенский скульптор.

84

Владимир Ильич Порудоминский — писатель.

85

Лия Борисовна Веледницкая — радиорежиссер.

Подъезд № 7 ЦК КПСС.

87

Наталия Аркадьевна Кугель — искусствовед, директор театрального музея в Пензе.

88

Юрий Александрович Виноградов — заместитель председателя Пензенского облисполкома.

89

Роман Федорович Кочурин (1929–1996) — мастер народного искусства, автор самобытных скульптур из дерева.

90

Сергей Павлович Петров — пензенский краевед, работавший в 1950—1960-е годы.

Виктор Гаврилович Агапов — работник ЦК КПСС.

92

Михаил Александрович Ульянов (р.1927) — народный артист СССР.

93

Егор Кузьмич Лигачев (р.1920) — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.

94

Александр Николаевич Яковлев (р.1923) — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.

95

Виталий Иванович Воротников (р.1923) — председатель СМ РСФСР, член Политбюро ЦК КПСС.

96

Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) — советский историк, академик АН СССР.

Раиса Максимовна Горбачева.

98

Борис Сергеевич Угаров (1922–1990) — президент Академии художеств СССР.

99

Питирим (Константин Владимирович Нечаев) — митрополит Волоколамский и Юрьевский, член Президиума Советского фонда культуры.

100

Барон Эдуард фон Фальц-Фейн — коллекционер и меценат, из рода основателя всемирно известного заповедника «Аскания-Нова», проживает в Лихтенштейне. Речь идет о памятной стеле в заповеднике «Аскания-Нова».

101

Иван Михайлович Долгорукий — князь, поэт, мемуарист, в 1791–1797 гг. — вице-губернатор в Пензе.

102

Роберт Максвелл — глава корпорации «Максвелл комьюникейшн корпорейшн».

103

Вера Ивановна Мясникова — жена Г.В.Мясникова.

Члены Президиума Советского фонда культуры.

105

Олег Константинович Комов (1932–1996) — известный скульптор.

106

Сотрудник СФК.

107

Сэр Филипп Оппенгеймер — председатель компании «Де Бирс».

108

Т.Кейпон — один из директоров компании «Де Бирс», отвечавший в то время за сотрудничество с СФК.

109

Родион Константинович Щедрин (р.1932) — известный композитор.

110

Выборы кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР от СФК.

111

Дмитрий Покровский (1944–1996) — руководитель музыкального ансамбля.

112

Николай Григорьевич Самвелян — писатель.

113

Член Президиума СФК.

Члены Президиума СФК.

Олег Иванович Карпухин, Владислав Дмитриевич Новожилов — заместители председателя Президиума СФК.

Леонид Матвеевич Аринштейн — ныне советник Президента РФК Н.С.Михалкова.

117

Сигурд Оттович Шмидт — член Президиума СФК, известный историк.

Надежда Ивановна Катаева-Лыткина — председатель культурного центра, научный руководитель Дома-музея М.Цветаевой.

119

После развала Союза и переименования по инициативе Д.С.Лихачева Советского фонда культуры в Российский фонд Р.М.Горбачева написала письмо в СФК о выходе из состава Президиума.